

Ольга Романовская

ЯДУ, СВЕТЛЕЙШИЙ?
ПРИДВОРНЫЙ МАГ

Ольга Викторовна Романовская
Яду, светлейший?
Придворный маг
Серия «Яду, светлейший?», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72244816

Аннотация

Сказки заканчиваются предложением руки и сердца. Увы, в жизни с него все только начинается. Мне придется выбирать между отцом и возлюбленным, провинцией и столицей, лицом к лицу встретиться с потаенными страхами.

Возможно ли «долго и счастливо» между ведьмой и инквизитором? Избежит ли топора палача мой отец? Стану ли я следующей жертвой опасного врага? Он воскрес из прошлого и полон желания отомстить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	49
Глава 5	65
Глава 6	80
Глава 7	96
Глава 8	113
Глава 9	129
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Ольга Романовская

Яду, светлейший?

Придворный маг

Глава 1

– Замок Неф... Крайне неприятное место! Особенно для таких неженков, как мой племянник. Без домашних тапочек и кофе в постель он и года не протянет.

Вздвогнув, едва не выронила банку с пером феникса. В последний момент подхватила, сподобилась.

Пушинки вспыхнули, осыпали искрами на стенки банки и потухли. Красиво!

Убедившись, что отец не заметил, осторожно, держа обеими руками, вернула банку на место. После обернулась, настороженно спросила:

– А с чего вы вдруг вспомнили про тот замок?

– Да с того, что король смилостивился над нашим общим знакомым. Видимо, счел, что покушение на жизнь Верховного инквизитора и парочка смертей людей менее заметных не стоят мучений его любимца на виселице.

Юргас отложил в сторону конверт и взялся за другой, вскрыл его специальным костяным ножом. В силу нашего

договора я много времени проводила в обществе отца, наблюдала за ним и убедилась, что в нем было много от аристократа. Купленный титул барона Антанаса стал чуть ли не его второй кожей. Хотя Юргас умел быть разным, как и полагалось темному магу, некроманту, сыну давно покойного ректора столичного магического университета и ныне здравствующей демоницы. По совместительству – моему отцу и дяде того самого помилованного придворного мага, лорда Марюса Дье.

Бронзовый трикирий мазками света и тени обрисовал одновременно притягательную и пугающую внешность: высокие скулы, массивный подбородок. Карие глаза Юргаса теперь казались черными, слились по цвету с падавшей на них косой челкой.

Взгляд поневоле зацепился за рубец на щеке. Прежде я не спрашивала, откуда он, тут вдруг стало интересно. Прежде... В былые времена я старалась обходить Юргаса десятой дорогой, даже сбежала в другую волость, к двоюродной тетке, лишь бы не стать его очередной данницей. Тогда я еще не знала, что прихожусь ему дочерью. Но от судьбы как от суммы – спустя годы Юргас получил свое, сделал своей ученицей. Не спорю, почетнее, чем прислуживать в его трактире, ежемесячно платить дань за право ворожить и готовить зелья или греть его постель.

Юргас Дье – негласный хозяин всей колзийской волости. При нем сменилось минимум три инквизитора, заведовав-

ших местной службой магического контроля. Последний, вот уж игры Чернобога, – мой жених, Линас Клавел. Который искренне верит, что я сейчас пью чай у Гражины, моей подруги-шептуньи. Знаю, обманывать нехорошо, но придется. Линас ни при каких обстоятельствах не одобрит мои занятия темной магией. И ладно бы только на словах, ему захочется воспрепятствовать делом, потрясти своими полномочиями. Нет, мне нужен живой и здоровый жених! Какая связь? Убьет его Юргас. Он поступает так со всеми, кто смеет перечить его воле.

– Ты невнимательна.

Движение воздуха подсказало, что Юргас поднялся со стула. Так и есть, направился ко мне, укоризненно глянул на банку с пером. Поневоле и я присмотрелась: вдруг что-то неладно? Вроде, такое как было.

– Пепел.

Юргас постучал ногтем по доньшку.

Подумаешь, едва заметная точка сажи! Так ему и сказала, на что получила отповедь:

– Уважающий себя маг внимателен к деталям. По твоей милости пропала шестая часть карата ценнейшего ингредиента. Мне тебя на его поиски отправить или, – саркастичный смешок, – твоего инквизитора?

Промолчала. И про то, что никакая не магесса, а ведьма – тоже.

– А вдруг он до нас доберется? – высказала не дававшее

покоя предположение.

– Кто? Линас Клавел?

– Нет, бывший придворный маг.

Я бы предпочла, чтобы Марюса Дье казнили. Честно, надеялась на это, несколько месяцев жила в полной уверенности – и тут вот... Кстати, кто сообщил отцу о помиловании Марюса?

– Газеты, – Юргас со снисходительной усмешкой продемонстрировал свое умение читать мысли.

– Но в Колзии нет газет.

Что правда, то правда, в нашей глуши новости передавались по старинке, то есть от кумушки к кумушке.

– Зато в столице есть. Будем в Антанасе, покажу целую пачку. Пора готовить тебя к роли леди Клавел, а то опозоришься. И меня заодно опозоришь.

Второе наверняка заботило его больше первого. У Юргаса ведь не только аристократические замашки, но и аристократические планы.

Тяжко вздохнула, вспомнив о полученном со вчерашней почтой письме. Встреча Нового года в обществе Вальтера и Авроры Клавел – что может быть ужаснее! Со стороны казалось, что родители Линаса предприняли попытку примирения, но я догадываюсь, они планировали нас рассорить. Интересно, Лидия Зидек тоже получила приглашение?

Имя несостоявшейся невесты Линаса наполнило рот полынной горечью. Вот уж кого Вальтер и Аврора расцелова-

ли бы в обе щеки! Собственно, они и выбрали ее в невесты сыну, не спросив мнения последнего, и который год упрямо настаивали на браке. Случившееся прошлым летом объяснение не расставило все точки. Потому как проблема не в Лидии, она-то чувствами к Линасу не пылала, а в ослином упрямстве лорда Вальтера Клавела. Отставной гвардейский генерал – этим все сказано.

И тут вдруг скупое, но приглашение... И меня обозвали не ведьмой, не авантюристкой, а достопочтенной госпожой Дье. По метрике и прочим документам я Томаско, но им хотелось видеть у себя дочку барона, а не ведьму, поэтом и Дье.

– А скоро вы покажете мне замок? – уцепилась за возможность сменить тему и немного встряхнуться.

Хотя рядом с Юргасом это непросто. Постоянно в напряжении, постоянно готова бежать или защищаться – таково уж темное обаяние моего папочки. Бывало, просто стоит, улыбается, а тебя в дрожь бросает. Поэтому и на «ты» обращаться к нему не могла.

– Скоро. На Новый год. Матушка изъявила желание познакомиться с тобой, взглянуть, что из тебя выйдет. Ночь смены одного года на другой – идеальное время для прорицаний.

– Но, – растерянно уставилась на отца, – нас с Линасом уже пригласили.

– Пусть едет один. Мне он не нужен.

Если наши отношения с Юргасом напоминали качели над

пропастью, то его взаимоотношения с любимым напоминали ледяную пустыню. Они и виделись-то от силы пару раз, вели себя крайне враждебно.

Развела руками:

– Нельзя. Нас пригласили его родители.

При слове «родители» состроила кислую мину.

– А я тебе кто? Посторонний? – Глаза Юргаса чуть сузились. – Я редко о чем-то прошу, Аурелия...

Подавила смешок. О да, просит он редко, потому что вечно требует или ставит перед фактом.

– Или ты хочешь обидеть свою бабушку? – продолжал увещевать Юргас.

– А чем это чревато? – предпочла заранее прояснить масштабы бедствия.

– Сейчас покажу наглядно.

Пискнула, только чудом не разбила многочисленные банки в магической кладовой, когда отец испепелил забежавшую сюда, на свою беду, мышь. Да уж, доходчиво!

– Чтобы впредь ни одного грызуна!.. Следить за кладовой – твоя обязанность.

Ну да, в его доме у меня одни обязанности, а вот прав пока нет.

Опустившись на колени, склонилась над горсткой пепла. Даже трупика не осталось. Вот так, ни за что, убить живое существо...

– Я скажу матери, что ты будешь.

А его угрызения совести не мучают.

– Нет. – Ведьма тоже может показать зубы. – Передайте, что может прийти и поджарить. А вы поищите молодуху, которая обеспечит вас новым наследником, потому как ни мышей, ни людей я убивать не желаю!

Выпрямившись во весь рост, развернулась, смело посмотрела в глаза Юргаса, а он...

– Ну хорошо, проведем вместе Ночь Чернобога. Тоже хорошее время!

Брр, кому как!

Ночь Чернобога самая короткая в году. Какая только нечисть, воспользовавшись моментом, тогда не вылезала! Люди предпочитали не выходить из дома после заката, закрывали ставни, а тут Юргас мне прогуляться в замок предлагает. Мне, которая под надзором инквизиции и нашего штатного некроманта! Да высуну я нос после наступления темноты, десятка шагов сделать не успею, как окажусь в околотке для выяснения обстоятельств. Я и сюда с опаской хожу, кружной дорогой. Вроде, к отцу, только вот отец – темный маг...

– Вам придется познакомиться, – с нажимом произнес Юргас. – Выбирай: Новый год или Ночь Чернобога.

Да какой уж тут выбор!

– Ночь, – со вздохом уступила силе.

В голове закрутились шестеренки. Так, заночевать нужно у себя, в Малых ямках. Уйти тайком и как-нибудь усыпить

бдительность надсмотрщиков. Усыпить... Придется в прямом смысле этого слова.

Опять я между двух огней! Что за жизнь такая, дадут мне когда-нибудь вздохнуть спокойно?

– Ах да, чуть не забыл! – Юргас хлопнул себя ладонью по лбу. – Мне потребуется твой регистрационный номер.

В изумлении приоткрыла рот. Это что-то новенькое! Прежде Юргас обходился безо всяких патентов и лицензий.

Недоверчиво уточнила:

– А вам зачем? Опять клиенты, зелье летаргии? Нет уж, мне знакомства с инквизицией хватило по горло, – чиркнула ладонью по шее, – повторять не собираюсь. Сами посидите на допросе у монсеньора Гинтаса.

– Какая же ты стала трусливая! Любовь дурно на тебя влияет.

Юргас прошелся по кладовой, прислушался. Убеждение, что он вновь пытался втянуть меня в свои темные делишки, только усилилось.

Спешно засобиравшись домой:

– Мне пора! А то мэтр Мару порошки ждет, у меня только половина готова. Пока до Малых ямок доберусь...

– Я подвезу. А порошки...

Юргас хлопнул в ладоши, крикнул:

– Лайма!

На зов явилась одна из ведьм, работавшая подавальщицей в его трактире. Всего их у него в постоянном подчинении

четверо: двое обслуживают гостей, двое готовят и убирают.

– Чего прикажете?

Лайма почтительно потупила взор. Хорошенькая. Впрочем, уродин Юргас не держал. Во-первых, клиентов отпугивают, во-вторых, самому ложиться в постель с ними неприятно.

– Она, – обращаясь ко мне, Юргас кивнул на ведьму в белом переднике, – все сделает.

Следом повернулся к Лайме:

– Сроку тебе два часа от силы.

Сглотнув, ведьма кивнула, покосилась на меня из-под густых ресниц.

– Повелевайте!

От высокопарного выражения и подобострастного тона стало не по себе. Прежде я была одной из них, не самой удачливой, богатой или умной, разве только счастливо избавлена от дани и прочих повинностей перед Юргасом, а тут разом превратилась в принцессу.

– Не нужно, я сама.

– Она сделает. Точка! – повысил голос отец. – Для тебя у меня найдется другое занятие.

Покачала головой:

– Нет. Мне прошлого раза хватило. Так что можете проклинать. Ну и искать себе новую ученицу.

Лайма с интересом прислушивалась к нашей перебранке. Стоит, руки на животе сложила – сама скромность, а глаз-

ки-то бегают!

– Аурелия!

Юргас по-кошачьи шагнул ко мне, взял двумя пальцами за подбородок и заставил посмотреть в глаза. Ноги тут же стали ватными, во рту пересохло.

– Аурелия, – тихо повторил отец мое имя, – жду в общем зале.

После чего отпустил.

Вот как ему удастся?! Только однажды сумела дать ему полноценный отпор – там, в поместье Клавелов, но тогда мной двигал страх за Линаса. А теперь... Теперь я ничем не отличалась от Лаймы.

– Что-то из этого надо?

Он обвел рукой полки кладовой.

– Благодарю, у меня все есть, – чуть помедлив: все еще не оправилась от преподанного урока, заверила я. – Да с вашими травками порошки обычным горожанам не по карману.

– Боюсь, ты недооцениваешь их платежеспособность, но в одном ты права: мои ингредиенты стоят дорого. При этом отрабатывают каждый вложенный в них грош.

Юргас чиркнул взглядом по лицу Лаймы, лениво, будто это не волновало его вовсе, спросил:

– Подслушивала?

– Я? – Губы ведьмы задрожали, пальцы вцепились в передник. – Я нет... Как я могла!

– Подслушивала.

Юргас обошел вокруг нее, замахнулся.

Зажмурилась, не желая увидеть вместо Лаймы горстку пепла. Не сомневалась, отец поступит с ней так же, как с мышью, только пока не понимала за что. Вряд ли его возмутило, что ведьма стала свидетельницей нашей маленькой ссоры.

Несчастливая Лайма тоже присела, неловко заслонилась руками, но ни удара, ни заклинания не последовало.

– Больше никогда так не делай. Первое и последнее предупреждение.

Лайма активно закивала и на радостях облобызала Юргасу руку. Как королю! Хотя отец в чем-то действительно король. Он безраздельно властвовал над Колзийской волостью и, судя по покупке титула, не собирался останавливаться на достигнутом. Последующие слова подкрепили мои мысли:

– Полагаю, тебя заинтересует особа, с которой я хочу тебя познакомить. Она из того же круга, что родители твоего жениха.

Наморщила переносицу:

– Очередной придворный маг под личиной? Дудки, сами варите ему яд!

– Не ему, а ей, – с легкой улыбкой поправил Юргас. – И вовсе не яд. Хотя часть компонентов схожа.

Бывалый рыбак, он умело закинул крючок: жертва клюнула на наживку.

– Что же понадобилось такой важной особе в нашей дыре?

– Сама и спросишь, – подмигнул отец.

– А можно я сделаю? – осмелев, пискнула Лайма.

Глаза ее лихорадочно блестели. Пальцы, прежде скрюченные, бледные, перебирали воздух, словно монеты считали.

– Ты?

Приподняв бровь, Юргас уставился на нее так, будто только что заметил.

– А что, я умею. Я все-все умею, господин! – бойко затараторила Лайма, бросив на меня победоносный взгляд. Мол, обскакала дочку самого Юргаса. – И лицензия у меня есть, и в клиентах сама мэрша. Она каждую неделю у меня «воду красоты» берет, пилюли из мышинных хвостиков часто заказывает.

– Порошки. – Палец отца уткнулся ей в грудь, погасил улыбку на лице ведьмы. – Как раз по твоей части. Пилюли из хвостиков! – пренебрежительно повторил он. – Ты бы ей, – «ей» Юргас выделил голосом, произнес с небывалым пиететом, – еще лосьон из мухоморов на спирту предложила!

– А что, хорошее средство! – растерянно пробормотала я. – Воспаления лечит, цвет лица улучшает.

– Аля! – Юргас возвел очи горе. – Вылези ты, наконец, из своей деревни! Я тут для нее стараюсь, чтобы пропуск в высший свет, связи, а она – мухоморы! Нет, я понимаю, инквизитор, ему тут до пенсии торчать, но ты-то могла бы блистать в столице. Так что перестань препираться, дай Лайме задание и идем!

Хорошо, если меня так настойчиво просят, взгляну на

неведому зверушку из столичного града Остера. Только, боюсь, одета я неподобающим образом, не для приемов. Корсеты, пышные юбки и декольте плохо сочетаются со стремянками и метелками для пыли.

Лайма поняла все с полуслова, заверила, такие порошки она с закрытыми глазами делает. Эх, придется проверять! Не доверяла я товаркам по дару, как бы не опозорила мое имя перед аптекарем! Пусть я поставляла различные снадобья до конца апреля совершенно бесплатно, в рамках общественных работ, после надеялась продолжить плодотворное сотрудничество, начатое еще до моего падения в преступную бездну. А Лайма... Знаю я ведьм, сама такая, им любые средства хороши, лишь бы приносили барыши. Возьмет и сознательно допустит неточность. И что, мне мэтра Мару соблазнять? Нового помощника он не взял, пришлось бы его самого охмурять, а я с кольцом на пальце. И ладно бы какой красавчик, так полноват, в очках и не первой молодости. Так что нет, нет и нет, не надейся Лайма на мое доверие.

Юргас вроде и не торопил, вальяжно привалился к дверному косяку, но за спину себе поглядывал. Мол, ждут нас, дочка, тащи свои стройные ножки в обеденный зал трактира. Они у меня действительно хороши. Остальное тоже: пышная грудь, зеленые глаза, темные струящиеся волосы. И ростом не подкачала, в отца. У меня многое в отца, дьевская порода. Только вот при общении с женщинами достоинства превращались в минусы. Ну да рядом Юргас, отвлечет на себя вни-

мание. Черноглазый брюнет в темно-синей рубашке и кожаных штанах – какая женщина останется равнодушной!

Увы, сегодня Юргас старался напрасно, его роковая внешность не произвела должного впечатления на таинственную клиентку. Закутанная в дорожную накидку на меху (куница, а не какой-нибудь заяц!), она вздрагивала от каждого взрыва хохота игравших в кости наемных убийц и явно жалела о том, что переступила порог крайне сомнительного заведения. Трактир Юргаса и вправду пользовался дурной славой. Тут можно было найти исполнителя для чего угодно, заключить договор с демоном или уединиться с необремененной моралью красоткой. Для такого случая и комнаты наверху имелись, на другой, не хозяйской половине.

Само собой, нашлись бы у Юргаса и разного рода колдовские ингредиенты, частично незаконные. Хранились они в той самой кладовой, каждая ведьма или ведьмак из этой области Маконда волей-неволей там побывали, восполняя запасы. Но сидевшая передо мной дама в накидке точно не ведьма. Хотя бы потому, что нам морской жемчуг не по карману. Прищурившись, прикинула, на сколько грамм потянет каждая жемчужина, покосилась на свое колечко и вздохнула. Нет, я не жаловалась, не в каратах счастье, да и Линас постарался, не выбрал первое попавшееся, но... На фоне украшений незнакомки мои собственные казались дешевыми подделками с ярмарки.

– Добрый вечер! – Голос Юргаса обволакивал, затягивал

в свои сети. – Безумно рад видеть вас у себя, миледи.

Чтобы усилить произведенный эффект, он гибко наклонился и облобызал затянутую в перчатку руку по всем правилам этикета.

– Мне говорили, – вся ее поза, напряженная, изломанная, будто завязанная в узел, говорила о том, что ей неуютно и хочется скорее уйти, – что вы темный маг. А еще барон...

– Верно, – самодовольно кивнул Юргас и без спроса занял второй стул. – Оба утверждения правдивы.

Мне места не хватило, разве только на коленях у отца устроиться, но, боюсь, нам пока далеко до подобной степени близости. Зато стоя я смогла лучше рассмотреть незнакомку, благо она отважилась скинуть капюшон: жарко. Не молода, пусть и всячески это скрывает. Морщинки, седина. Серые глаза, будто искусанные пчелами губы – сейчас в моде легкая припухлость. Правда, дама явно перестаралась. Как и с украшениями, которые надела в дорогу. Сразу видно, о разбойниках человек ничего не слышал. Или у нее такая охрана, что всех раскидает.

– Мне... – Дама покосилась на меня и после кивка Юргаса, мол, свои, не стесняйтесь, вполголоса продолжила: – Мне нужно зелье вечной молодости.

– Боюсь, – развел руками отец, а сам хитро покосился на меня, – тут я бессилен! Вам к Белбогу.

– А если?.. Ну, обратиться за помощью к богу, но другому? Мне очень нужно, господин барон, вопрос жизни и

смерти!

В порыве чувств она стиснула руку Юргаса, подалась к нему настолько близко, насколько возможно, и совсем тихо, едва размыкая губы, шепнула:

– Я выхожу замуж.

– С чем вас сердечно поздравляю, миледи. – Пряча недовольную гримасу, отец высвободился из хватки столичной штучки. – Только я здесь при чем?

– Ну как же... – опешила собеседница. В глазах ее промелькнуло разочарование, сменившееся огоньком прозрения. – Ах да, вы же не знаете!.. Я Эрнестина Ядвига Кофф, герцогиня Эгрейская, графиня Суэц. А мой жених – принц Леопольд.

Сесть на колени отцу я не села, но за плечо, чтобы не упасть, ухватилась. Может, Колзий и находился на окраине Маконда, дальше только волки и горы, но имя принца Леопольда было мне знакомо. Младший брат короля – и эта герцогиня?.. Ей же лет шестьдесят, не меньше, а принцу всего двадцать пять! Нет, я все понимаю, договорные браки, чистота крови, но неужели не нашлось никого помоложе? Сколько же денег у этой печеной морковки, раз король решил пожертвовать своим братом? Вот кому бы обратиться к отцу за зельем! При виде подобной невесты в чем мать родила точно оконфузишься.

Стоп, если она герцогиня, то уже побывала замужем – собственное обретение титула учтивости в связи с баронством

отца заставило покопаться в книгах, выяснить, как кого называли. Так вот, герцогиней она могла быть только по мужу. Ну или родившись дочерью короля, что точно не про нашу дамочку. Остававшийся вариант, что все мужчины семейства Кофф внезапно умерли, поэтому титул перешел к наследнице женского пола, отмела как маловероятный.

– Вы хотите помолодеть? – Юргас деловито постукивал костяшками по столу. – Скинуть десяток лет...

– Три десятка. И... И родить ребенка. Сможете?

Глаза герцогини с надеждой впились в лицо Юргаса. Он подумал немного, кивнул и ответил на один из заданных в кладовой вопросов:

– Вот для этого мне и понадобятся твои жетоны и бумажки, Аурелия. Ну и помощь, само собой.

Глава 2

Немая сцена выдалась долгой. Я честно не могла понять, как, будучи в здравом уме и трезвой памяти, можно предложить мне участие в подобной афере. Зная, что прошлая чудом не закончилась для меня самым плачевным образом. Хотя сытый голодного не понимает. Кому – общественные работы сроком на полгода, кому – прощение инквизиции. Юргас даже легким испугом не отделался!

– Я похожа на идиотку?

И сама же ответила на свой вопрос:

– Конечно, похожа, раз до сих пор не послала вас к матери.

– Удачный каламбур! – усмехнулся Юргас.

Его забавляла моя злость. Существует ли что-нибудь, что способно вывести папочку из равновесия?

– Простите, а вы кто? – запоздало поинтересовалась герцогиня.

– Моя дочь, – Юргас не позволил и рта раскрыть. – Достопочтенная госпожа Аурелия Дье.

Скривила губы. Да уж достопочтенная! Почтения никто из этой парочки ко мне не испытывал, посему...

– На сегодня я закончила. Доброй ночи, ваша светлость, – присела в реверансе перед обескураженной герцогиней. – И вам тоже, – неохотно развернулась к отцу.

После шагнула прочь... и угодила в капкан. Пальцы Юр-

гаса намертво стиснули запястье. Дергалась, пыталась разжать хватку – бесполезно.

Однако ну и камешки у него в перстнях! Я тут украшения герцогини хвалила, так у Юргаса ничуть не хуже. Геммы, рубины, необычная огранка... Так, стоп, я свою свободу отстаиваю или фамильными артефактами любуюсь?

Состроив страшную мину, прошипела:

– Немедленно отпустите!

– Иначе что? – иронично приподнял брови Юргас.

Присутствие посторонних его не смущало, наоборот, отец развалился на стуле так, как не позволил бы себе ни один аристократ в обществе дамы. Но герцогиня не возражала. Она предпочла слиться со стеной, только хлопала ресницами и шумно дышала. Неужели ее так сильно напугала наша перепалка?

– Вилкаса позову.

Вилкас Цех – наш волостной некромант. Отличный парень, пусть и рыжий. Почти герой моего романа, только тоже без пяти минут женат. Да и я с некоторых пор предпочитала шатенов. Кстати о них...

– Или лучше сразу Линаса? – предложила с плотоядной улыбкой. – А то непорядок – зять с тестем толком не знакомы.

– Побереги светлейшего, ему и так с тобой жить. Или ты передумала, решила овдоветь до брака?

– Пожалуй, я пойду! – пискнула герцогиня и проворно,

будто приняла то зелье, которое просила сварить, начала пробираться к выходу.

Отпустить ценную клиентку Юргас не мог, поэтому без раздумий оставил в покое мою руку, последовал за столичной гостьей.

– Полно, миледи, все будет сделано, – томным, грудным голосом заверил он, преградив герцогине дорогу. – Да и куда же вы? Ночь на дворе...

– Есть же здесь гостиница? – нерешительно ответила герцогиня и попыталась обойти Юргаса.

Сочувственно улыбнулась. Сбежать от моего отца невозможно. Я пыталась. А уж если я не смогла... И верно, не прошло и пяти минут, как Юргас вернул герцогиню. Кликнув подавальщицу, он велел принести выпить:

– Самого лучшего вина, из моих запасов.

Герцогиня обмякла на стуле, дрожала мелкой дрожью и с животным страхом посматривала на Юргаса. Тот безмятежно улыбался, только вот колкие, почти утратившие зрачок глаза наполнились вековечным льдом.

Дождавшись, пока подавальщица принесет три бокала (умная ведьма, не кружки поставила!) и оплетенную паутиной бутылку вина, а после уйдет, Юргас резким, не вязавшимся с его прежней доброжелательностью тоном поинтересовался:

– Откуда вы узнали обо мне, ваша светлость? Прежде, чем вы ответите, хочу, чтобы вы уяснили одну вещь: я могу все.

И это касается не только магии, только от меня зависит, где и когда окажется любой человек в Колзийской волости.

– Вы мне угрожаете? – вспыхнула герцогиня. – Стра!..

– Советую не впутывать посторонних. – Юргас взмахом руки запечатал ей рот и потянулся к бутылке, смел с нее паутину. – Я не шучу и не блефую. Достаточно мне повести бровью, как эти господа, – он обвел взглядом зал, – встанут на мою защиту. Поверьте, они владеют оружием лучше обленившихся на хозяйских харчах слуг. Да что там, даже гвардейцев, потому что терять им нечего. Люди, которым нечего терять, – очень опасные люди.

– Вы тоже?

Съезжившись, герцогиня огляделась. Вместе с ней и я.

Шум голосов стих, все: и наемники, и ведьмы, и прочий народ, промышлявший в трактире сомнительными делами, – пристально наблюдали за нами. Даже мне стало не по себе, что говорить о герцогине! Первое правило Колзия: не злите Юргаса. Сам он убивал редко, обычно за него это делали другие, считали за большую честь оказать услугу хозяину волости.

– Вижу, мы друг друга поняли, – довольно кивнул Юргас и разлил темно-рубиновый напиток по бокалам. – У меня не было цели напугать вас, не поймите меня превратно, миледи, я всего лишь хотел избежать различных досадных недоразумений. Безусловно, я возьмусь за ваше зелье, но мне нужны гарантии. Я слишком хорошо знаком с методами инквизи-

ции, чтобы верить на слово. И чтобы не взять задаток.

– Сколько? – сглотнула герцогиня.

Отвернувшись, она потянулась к декольте, где припрятала кошелек.

– Не деньги, ваш фамильный перстень с печаткой.

– Что?

Глаза герцогини широко распахнулись.

– Ваш фамильный перстень, – отстукивая каждое слово костяшками пальцем, повторил Юргас. – Если что-то пойдет не так, вам не удастся выйти сухой из воды. Таковы мои условия.

– Вы чудовище! – вспыхнула герцогиня.

– Я гораздо хуже, – демонически улыбнулся отец.

Воистину, он не человек! Сейчас в его облике сквозили черты поданных Чернобога.

Впервые задумалась о талантах моего деда, знаменитого Повеласа Дье. Ограничивались ли они разрешенными дисциплинами, или под универсальной магией (покойный ректор, по рассказам, владел всем спектром умений) скрывалось то, что он ознакомился и с темной стороной? Сошелся же Повелас с бафометой¹, завел от нее ребенка – Юргаса.

Его улыбка, его взгляд... Юргас напоминал зверя, готово-

¹ Бафометы (множественное число в мужском и женском роде одинаково) – демоны, сдавшие экзамены на чин, то есть доказавшие наличие у них способностей не ниже среднего. Занимают вторую ступень в иерархии после обычных, рядовых демонов. Любой желающий может взамен на душу получить от бафомета некую услугу или исполнение желания.

го в любой момент к прыжку. Вальяжность, обаяние – всего лишь ширма. Отец до краев полнился темной магией. Она щекотала, лизала мое тело, капельками пота стекала между лопаток. Представляю, что чувствовала герцогиня! Бедняжка побелела как полотно, того и гляди упадет в обморок.

– Кто же вы? – хрипящим шепотом спросила она.

– Темный маг. – Юргас хлебнул вина. Рубиновые капли на его губе вызывали стойкую ассоциацию с кровью. – В данном случае я темный маг. Когда угодно, бываю бароном, трактирщиком, ведьмаком, некромантом – у меня довольно талантов. Однако мы по-прежнему ходим вокруг да около. Откройте, наконец, имя того, кто посоветовал вам отправиться в наши края, места, скажем прямо, глухие, даже дикие. Неужели в Остере не нашлось никого, кто мог выполнить вашу прихоть?

– Боюсь, что нет.

Забыв о манерах, уступив страху, она залпом жадно выпила бокал вина. Оно придало ей храбрости. Мне бы тоже пришлось изрядно выпить, чтобы произнести следующее имя:

– Меня направил к вам лорд Марюс Дье.

– Что?

У отца оказалась отменная выдержка. В отличие от меня, он не опрокинул бокал, судорожно не ухватился за край стола, просто темной тучей навис над давно проклявшей себя за желание помолодеть собеседницей.

– Лорд Марюс Дье, – пискнула герцогиня.

Сжавшись в комок, она беззвучно молилась. Осторожно покосившись на отца, тоже испытала гамму непередаваемых ощущений. Палач, говорите, костер, котлы для неисправимых грешников? Вы выражения лица Юргаса Дье сейчас не видели, после него вас ничего не испугает.

– Когда же?

Моргнув, Юргас опустил обратно на стул, принялся поигрывать ножкой бокала. Выражение лица тоже изменилось – на нем застыла глубокая задумчивость.

– Еще до того... Ну, – смутилась герцогиня, – до приговора. Я навещала его... Не подумайте ничего дурного, мы дружны с его матушкой, когда-то закончили один пансион. Обсуждали всякое. Я случайно обмолвилась: хорошо бы найти средство, способное повернуть время вспять. Мол, Белбог так несправедлив к женщинам, отпустив короткий век их красоте и здоровью.

– В присутствии лорда Дье? – ехидно уточнил Юргас.

– Нет, конечно! – Герцогиня вспыхнула до корней волос и попросила налить ей еще вина. – Порядочная дама не заикнется о подобном при мужчине. Я говорила с леди Дье, его матерью. А потом... Потом она обмолвилась, что ее сын знает человека, способного...

– Так он просил вас напрямую обратиться ко мне или нет? – оборвал ее Юргас.

Он начинал терять терпение, отчего бокал в его руках превратился в юлу.

– Не совсем. Леди Дье спросила его, якобы для подружки, он назвал имя, адрес. Потом состоялся этот жуткий процесс! – Герцогиня обмахнула лицо носовым платком. – Разумеется, я и думать забыла, пока его величество не заговорил со мной о браке. После смерти мужа я собиралась коротать оставшийся век вдовой, но...

– А тут такое заманчивое предложение! – понимающе хмыкнул Юргас.

Расслабившись, он оставил ножку бокала в покое.

Я же не могла отделаться от ощущения, что упоминаний Марюса Дье за один день слишком много. Сначала отец, потом эта дамочка... Пристально взгляделась в ее лицо. Уж не приманка ли она, не тот же Джургас Гинтас под личиной? Маги его уровня способны накинуть на себя любой морок. А что, приехал в Колзий под видом герцогини, чтобы проверить, встал ли Юргас на путь исправления. Заместитель Верховного инквизитора предупреждал, что прощает только прошлые грехи. Юргас совету жить по закону не внял и... Поделилась своими соображениями с отцом. У нас, конечно, отношения как у кошки с собакой, но не настолько, чтобы не предупредить об опасности.

– Никакой личины нет, это женщина. Вдобавок я ее знаю, мельком видел в столице в свите королевы. Она же наверняка устроила этот крайне странный брак.

Уфф, выходит, он разделял мое отношение к возрастному мезальянсу.

– Но зачем?

Разговаривали шепотом, отойдя в сторонку, чтобы не смущать (или, по обстоятельствам, не разгневать или спугнуть) герцогиню. Ей в компании вина не скучно, бокала из рук не выпускает. А поначалу была такая гордая, важная!

– Чтобы отблагодарить, разумеется. За что, не спрашивай, я не вхож во дворец. Но надеюсь туда попасть с помощью этой особы. – Юргас кивнул на герцогиню. – И получить должность придворного мага.

– Эээ?

Подобной наглости я от отца не ожидала.

– Думаешь, не справлюсь? – лукаво подмигнул он. – Что там сложного: гороскопы, мелкие хвори, антитоды, шутихи, моя жизнь в Колзии в сто раз сложнее. Надоело! И трактир надоел, и травы, и мелочи, вроде приворотов, несолидно в моем возрасте. Пора наживать богатство, почет, а не рыскать в поисках корней мандрагоры. Не прятаться, завести штат слуг... Опять же тебя во фрейлины пропихнуть. На инквизитора твоего надежды мало, придется мне твоим будущим озаботиться.

Тут я обиделась. Крепко обиделась. За Линаса. Ну и проявила характер во всей красе:

– Ничего мне от вас не нужно и так одни неприятности!

Юргас чуть приподнял верхнюю губу, глянул как на малолетнюю дуру.

– Надо же, заместителю Верховного инквизитора нужно

было, а ей – нет! Королева выискалаась!

Впервые он позволил себе проявить эмоции столь явно, продемонстрировал уязвленное самолюбие.

– Горшки, пеленки, «Как прошел рабочий день, много отчетов проверил?» – вот твой идеал счастливой жизни? – продолжал давить авторитетом отец, искоса следя за герцогиней, чтобы не сбежала. – Мазь от ревматизма, гадания за пару грошиков... Тогда ты мне не дочь, моя дочь не мыслит как крестьянка-одноворка, которой бы поесть, поспать и к мужику под бок.

Сумел задеть, постарался. В глубине души я многого хотела, только вот какой ценой?..

– Неправда! – попыталась восстановить справедливость. – Я уважаемая ведьма, и мои интересы...

– Ну, и где они, твои интересы? – Юргас глянул с презрительной жалостью. – Где амбиции? Без меня...

– Хор-р-рошо! – прорычала, выдохнув через нос.

Вспомнилась Аврора Клавел, ее сестренка, прочие дамочки из высшего и не очень света. Я для них приложение к Линасу, даже заискивающая перед всеми госпожа Лазье воротила нос, ставила себя выше меня. Ведьма, деревенщина, где только Линас такую нашел? Такой хороший, образованный мальчик – а невеста одни травники читала.

– Вот и правильно! – Юргас похлопал по плечу, повел обратно к столу. – Ставить нужно всегда на две карты. И уж точно не надеяться исключительно на мужчину, даже если

он тебе муж или отец.

Смелое признание, но пустое. Уж чего-чего, а менять себя в связи со сменой фамилии я не собиралась.

– Час поздний, миледи. Я провожу вас!

Юргас не стал садиться. Обойдя стол, фамильярно накинул на голову герцогини капюшон накидки, подал руку.

– Но?

Дама в растерянности посмотрела на меня то ли в поисках объяснения, то ли защиты.

– Все в порядке! – приободрила ее улыбкой. – Я невеста местного главы магической службы и гарантирую вашу безопасность.

Прозвучало пафосно и серьезно, а по факту... Но герцогине хватило и такого. С другой стороны, человек, проделавший долгий путь ради запретного зелья, обязан сознавать все риски.

Юргас с герцогиней неспешно удалились. Выскользнула следом, чтобы взглянуть, на чем прибыла столь важная особа, сколько человек охраны взяла. Увы, меня встретила лишь темнота и покачивающиеся над входом фонари. Не сквозь землю же они провалились!

– Кого-то ищешь?

Фу ты, пушной зверек!

Вздрогнув, через силу улыбнулась Линасу.

– Как ты меня напугал!

– Ты слишком зачастила к отцу. – Линас не ответил при-

вычным поцелуем в щеку. – Вилкас сказал, была у него в среду...

– И?

Скрестив руки на груди, приготовилась держать оборону.

– Он темный маг.

Линас сделал паузу, выжидающе посмотрел на меня.

– И? – упрямо заладила одно и то же. – Мне теперь запрещено к нему приближаться? Если ты запомнил, я ведьма, и у меня могут быть дела не личного порядка.

– Клиентов ищешь?

– А хоть бы и так! Запрещено? Тогда покажи приказ.

Линас тихо рассмеялся, тряхнул головой:

– Ты быстро учишься!

– А то! Я живу с крюкотвором.

Насчет «живу» несколько преувеличила, потому как переезжать на служебную квартиру жениха категорически отказалась. Останавливаться во время визитов в Колзий – да, а так у меня свой домик, сад, травы, как я без них?

А насчет крюкотвора сушая правда. Есть у Линаса один, но бесящий недостаток – любовь к разного рода инструкциям, отчетам, правилам. Свободолюбивой ведьме в моем лице порой хотелось прибить его за «а почему графа не заполнена?»

– Твой клиент случайно не в карете приехал? – Линас пропустил колкость мимо ушей и, как истинный инквизитор, попытался прижать меня к стенке. – Видел, когда шел сюда.

Кто-то явно знатный, пять всадников охраны...

Пользуясь тем, что свет фонарей падал жениху в глаза, не позволял рассмотреть мою мимику во всей красе, фальшиво рассмеялась:

– Где я, а где клиенты в каретах? Разве только прихватит кого по дороге, врача не найдут, тогда и я сжусь. Где ты ее видел, карету-то!

– У гостиницы.

Закатила глаза и, ухватив Линаса под локоток, спустилась с крыльца. Могла бы и не держаться, спускаться без опаски – отец о своем доме заботился. Это у других крыльцо обледенело, снег возле него не расчищен, у него будто летом, танцевать можно.

– То есть ты всерьез полагаешь, что некто топал сюда, из центра в предместье, ради встречи со мной? Нет, я, конечно, девушка красивая, – горделиво приосанилась и поправила меховую шапочку, – с некоторых пор известная, но не до такой степени!

– А Юргас?

– Что – Юргас? Он мне не докладывает, сам спроси. Все равно вам пора налаживать контакты.

– С ним наладишь! – тяжело вздохнул Линас.

Вроде, успокоился. Спросить, что ли, про Марюса? А, зачем портить вечер! Отец уже сподобился, хочу хотя бы остаток провести в тепле и уюте.

Глава 3

Квартира Линаса в Колзии оставляла желать лучшего. Руки чесались привести ее в порядок, но я мужественно терпела. Фактически здесь витал дух всех инквизиторов, некогда возглавлявших службу магического контроля, этакое сборное, по вещи от каждого, жилище холостяка от двадцати до восьмидесяти лет. К примеру, в комнате сохранилась ширма, на которой Мозе Аджис, предшественник Линаса, развешивал одежду для просушки и которой заслонялся от местных сквозняков. Не удивлюсь, если окаменевший помазок в ванной тоже его. Думала выбросить, но не решилась. Вдруг это памятный сувенир или, того хуже, переходящее знамя? Но от кое-чего на правах невесты я все же избавилась – от ковра. Это пыльное нечто только привлекало моль, не несло ни эстетической, ни практической пользы. Линас не возражал, да и вся окружающая обстановка свидетельствовала о том, что ему абсолютно все равно, где проводить ночи. Сегодня и мне предстояло спать среди кружевных салфеток и высоких подушек.

– Ощущение, будто я снова к двоюродной тетке попала!

Двумя пальцами приподняла край вышитой скатерти, покрывавшей овальный обеденный стол. На нем, как положено, ваза с цветами, книги, расчеты... И тарелка с огрызком яблока. Оно успело потемнеть, засохнуть – видно, лежит здесь

со вчерашнего вечера. И ведь пока Аурелия не придет, никто не выбросит! Что-то не припомню, чтобы в список обязательных работ входила уборка.

– А, по-моему, уютно. Совсем не похоже на родительский дом.

Линас разулся, засунул ноги в мягкие войлочные туфли. Пару раз зевнул, мельком глянул на записи и сгреб их в ящик секретера в углу. Мог бы не беспокоиться, меня дела инквизиции не волновали.

– Давно хотел тебя спросить, – Линас, как истинный представитель своей профессии, умел приберегать важные вопросы на потом, – откуда у тебя кольцо?

Состроила большие глаза:

– Как – откуда? Ты сам купил.

Изображала невинность, а сама понимала, речь совсем о другом кольце, которое спешно, пока жених не видит, пыталась снять и засунуть в карман. Подарок матери Юргаса, простенькое серебряное украшение с рунами. Несмотря на натянутые отношения с отцом, решила-таки не гневить бабушку, носить ее артефакт. Как показали недавние события, защита лишней не бывает. Обычно я прятала кольцо под помолвочным, но иногда оно сползало. И надо же именно сейчас! Линас и так подозревал меня в очередных махинациях с Юргасом.

– Я о другом. Том, что ты только что запихнула в карман. У него глаза на затылке, что ли?! Однако ведьмы просто

так не сдаются.

– Любовник подарил. Вместе с огрызком яблока.

Помахала перед носом Линаса трофеем и отправила в тот самый карман, с расчетом, что жених побрезгует в нем копаться.

– Он богатый, красивый, – томно закатила глаза, игриво провела языком по губам, – отлично целуется, умопомрачителен в постели и готов бросить к моим ногам весь мир. Пока ограничился бриллиантами. Видишь, как в ушах сверкают?

По очереди повернулась к Линасу одним и другим ухом.

– Значит, отец, – любимый умел делать парадоксальные выводы.

Помрачнев, он задумался, словно истукан, замер на месте.

Подняла брови:

– Ты полагаешь, у меня любовная связь с Юргасом?

И рассмеялась.

– Я, конечно, ведьма, но не настолько! Нет никакого кольца, только твоя работа, от которой у тебя уже двоится в глазах. На кого ты стал похож! Решительно, я отказываюсь выходить замуж за привидение!

Лучшая защита – это нападение. Как любая женщина, я в совершенстве владела искусством переключения внимания. Не учла одного: меня угораздило влюбиться в инквизитора. Это то же, что темный маг, только на стороне добра. Оба подвида невыносимы, уж поверьте, я тесно общалась и с тем, и с другим.

– В последние две недели ты слишком много времени проводишь в предместье.

Линас, не мигая, смотрел на меня, словно с помощью магии пытался вытащить правду, но я точно знала: он не менталист.

– Ничего удивительного, – пожала плечами. – Там мой бывший дом, кладбище, где похоронена мама. Знаешь, сколько всего нужно усопшим! Это у вас, аристократов, поплакал на могилке, поставил памятник и свободен, а у нас... К тому же оттуда начинается дорога в Малые ямки. Мне из-за твоей паранойи теперь крюк делать, ходить через Большие?

Старалась ни жестом, ни взглядом не выдать своего волнения. Чего-то такого следовало ожидать, Линас слишком быстро успокоился у трактира.

– Ты ходишь к отцу.

– И? Официально Юргас Дье больше не преступник.

– Только вот прежде особой любви между вами не наблюдалось. Аля, – он шагнул ко мне, обнял за плечи, – ты чудом избежала тюрьмы, не надо снова...

Конец мучительному объяснению положил стук в дверь.

Обрадовавшись позднему посетителю, побежала открывать, да так и приросла к порогу.

– Аурелия?

Юргас прищелкнул пальцами у моего лица и глянул через мое плечо вглубь квартиры:

– Спрашивать глупо, твой наверняка дома.

– Дома, – отойдя от первоначального потрясения, обескураженно подтвердила я.

– Тогда посторонись. Нам поговорить нужно.

Прежде Юргас не переступал порог квартиры волостного инквизитора, да что там, он и в службе магического контроля не появлялся, поэтому меня терзало смутное нехорошее предчувствие. С другой стороны, вряд ли отец задумал дурное.

Словно тень, последовала за Юргасом в гостиную. Он и не думал раздеваться, почистить обувь, тем более разуться, так что от входной двери до овального стола протянулась цепочка грязных следов. Юргас ничего не делал просто так, даже подобной мелочью выражал отношение к Линасу.

– Если вы задумали дурное, лучше сразу уходите! – Смело встала между напряженными, недружелюбно настроенными мужчинами. – Драться я вам не позволю.

– Даже не думал, Аля.

Юргас со снисходительной улыбкой отодвинул меня в сторону и, оглядевшись, без приглашения опустился на стул. Судя по одежде, он не возвращался в трактир, проводил герцогиню и заглянул к нам. Без куртки, даже плаща, все в той же синей рубашке... Тут во мне не вовремя проснулась светлая ведьма:

– Вы, наверное, замерзли, сейчас я сделаю чаю.

– Не нужно! – остановил меня Юргас. – Прогулки на све-

жем воздухе полезны в любое время года. К тому же от гостиницы до дома инквизитора, – он отвесил Линасу легкий учтивый поклон, – всего пять минут пешком.

– Да вы расслабьтесь, светлейший, присаживайтесь! – Губы отца тронула издевательская улыбка. – И магию свою для врагов приберегите, я здесь с абсолютно мирными намерениями. Вот вспомнил, что дочка скоро замуж выходит, а мы и не знакомы толком. Тот разговор у птичника вашего батюшки не в счет: мы тогда были взвинчены, на эмоциях. Между тем, вы мой будущий зять...

Закинув ногу на ногу, чуть склонив голову к правому плечу, Юргас уставился на любимого. Тот действительно нервничал: то губы дернутся, то рука, то сглотнет, тогда как отец излучал само спокойствие.

– Польщен вашим визитом!

Не выпуская собеседника из поля зрения, Линас развернул один из стульев спинкой к столу, оседлал его.

– Полно! – отмахнулся Юргас. – Давно следовало зайти, еще в мае, когда получил это.

На стол полетел мятый конверт с уведомлением об обязательном прохождении аттестации. Надо же, не выбросил, сохранил! И визит сегодняшний запланировал, заранее письмо в карман положил.

– Только не говорите, будто намерены получить лицензию, господин Дье! Или ваша милость, как вас теперь величать?

– Как угодно, – пожал плечами Юргас. – По-родственному же. Но в одном вы правы, лицензия мне не нужна. Боюсь, вы просто не в состоянии ее выдать.

– И все же, – Линас поднялся, помедлил, но продолжил, – и все же я хотел бы...

– Хотели бы что?

Юргас отзеркалил его движение, встал на ноги вслед за инквизитором.

– Взглянуть на вашу ауру, – на одном дыхании выпалил Линас.

В комнате ненадолго повисло молчание. После Юргас вновь опустился на стул и неожиданно беззаботно согласился:

– Давайте! Утолите свое любопытство, вас ведь распирает, светлейший.

– И вы не боитесь? – изумился ожидавший совсем другого ответа Линас.

– Нет, потому что я знаю пределы ваших возможностей. И потому, что я в любой момент могу положить конец этой смехотворной процедуре.

– Почему смехотворной? – насупил брови Линас.

Его уязвила пренебрежительная оценка собственных способностей.

– Потому что вы и так знаете, кто я и что я. Или Аурелия не рассказала?

Юргас метнул на меня быстрый взгляд.

Сложив руки на груди, огрызнулась:

– Все я рассказала!

– Тогда приступайте, светлейший! – Юргас прикрыл глаза. Мол, вот я беззащитный, делайте что хотите. – Вдруг вы меня приятно удивите.

Я бы насторожилась, остереглась, а Линас засучил рукава, шагнул к нему. Отец не пошевелился, дышал ровно, спокойно. Зайдя Юргасу за спину, Линас простер над ним руки. От них к темени отца потянулись нежно-лиловые лепестки магии. Закусила щеку изнутри, когда они проникли в голову Юргаса: помнила, процедура малоприятная, даже болезненная. Но вскрикнул вовсе не отец – Линас.

– Слуги Чернобога!

Дуя на пальцы, от отскочил на добрый метр.

– Что, аура кусается? – с издевательским сочувствием прокомментировал Юргас.

Он открыл глаза и, развалившись на стуле, с ироничной улыбкой посматривал на Линаса.

– Я же говорил, светлейший, способностей у вас маловато. Куда ж вы щупаете черную ауру и без защиты? Так и без рук можно остаться! Сильно обожглись?

– Нет, – стиснул зубы Линас.

Уверена, даже если бы он сжег руки по локоть, не признался бы.

– Аль, обработай ему волдыри. Лучше всего лапчаткой. Или, – Юргас в сомнении посмотрел на Линаса: явно не со-

гласится, – если не боитесь, протяните руку, я уберу.

– Давай!

Подтолкнула к отцу упирающегося жениха. Пусть налаживают отношения.

– Да не дрожите, как дева перед первой брачной ночью! Я меток не оставлю, в должники не запишу. Кладите руку на стол, ладонью вверх. Ну же, расслабьте мышцы, светлейший! Людям нужно верить.

– Только вы не совсем человек, – справедливо заметил любимый, но все же доверился Юргасу.

Отец провел ладонью над темно-розовыми волдырями. Один из его перстней вспыхнул, легкий дымок окутал пострадавшую кожу. Когда он рассеялся, от жутких кровавых волдырей не осталось даже рубцов.

– Дел-то на минуту!

Юргас отряхнул руки.

Я и Линас потрясенно молчали, разглядывали чудо врачевания.

– Я и не думала, что ты!.. – вырвалось у меня восхищенное.

Вовремя прикусила язык. Мы с отцом на «вы», да и нечего поощрять всяких, еще вообразит, будто мне его род занятий нравится.

– И опять никакой похвалы, никакой благодарности! – с притворным сожалением укорил Юргас. – Ладно, переживу.

И наконец перешел к делу:

– Как я уже упоминал, светлейший, до вас я побывал в гостинице. Не сомневаюсь, вам уже донесли. И без толку, потому как я не собирался делать тайну из нашего общения с госпожой Кофф. Назову ее так, чтобы не компрометировать, хотя вы наверняка догадаетесь, какой титул она носит.

– Странно, что вы признались.

Линас продолжал пристально изучать свою ладонь, даже зачем-то понюхал.

– Не беспокойтесь, вы не превратились в моего слугу. – Юргас чуть приподнял уголок рта. Разумеется, он заметил. – Можете проверить, никакого дурного воздействия моя магия не оказала. Хотя, не стану отрицать, вы меня огорчили. Странно видеть подобную дремучесть у выпускника столичного университета. При моем отце такого не было.

Он специально упомянул имя Повеласа Дье, в упоении дал пощечину не только Линасу, но и стоявшим по другую сторону закона магам.

– Вы там учились? – внезапно заинтересовался любимый.

Я бы на его месте огрызнулась, а он думать забыл о ерничестве собеседника, смотрел на него с неподдельным интересом.

– Возможно, – уклончиво ответил Юргас.

– Как занятно! И на каком факультете?

– Вам диплом показать? – неожиданно ощерился отец.

Казалось, что такого, безобидные вопросы, а у него глаза стали темнее самого глубокого омуты.

– Нет.

Линас быстро уловил перемену его настроения и не стал рисковать. Может, он и инквизитор, формально надзирает над подобными Юргасу, но их силы действительно не равны. Однако я не сомневалась, любимый зацепится за неосторожно оброненную фразу, раскопает документы. Мне тоже жутко любопытно, какие науки постигал в Остере отец. Факт его поступления в университет вопрос не вызывал: кто станет экзаменовывать абитуриента, проверять его ауру при наличии прямого указания ректора? В обыденной жизни, как я убедилась, Юргас при желании мог изображать обычного парня. Другое дело – характер. С трудом представляла, чтобы он кому-то подчинялся, даже профессорам.

– Итак, если со мной покончено, – Юргас сделал паузу и выжидающе посмотрел на Линаса, – вернемся к Аурелии.

– Может, гостинице и некой знатной особе? Или я о чем-то не знаю?

Любимый недоуменно покосился на меня. Развела руками. При всем желании, залезть в голову отца я не могла. Что он там задумал?

– Она не знает, не тревожьте ее напрасными подозрениями. Я говорю Аурелии лишь то, что считаю нужным.

– Говорите?

Лицо Линаса потемнело. Все еще обращенный на меня взгляд заледенел.

– Аля?

– Да, мы общаемся, – нехотя, сквозь зубы призналась я и пожелала отцу прямо сейчас отправиться в гости к Чернобогу и не вернуться.

– Это не запрещено законом, светлейший. Как и то зелье, которое заказала упомянутая выше особа. Не набирайте воздух в легкие понапрасну, Але я его не доверю. – В трактире он говорил совсем другое. – Хотя скажу, что зелье варила она. Вот и вам говорю, заранее предупреждаю.

Голос Юргаса обволакивал, напоминал мурлыканье кота. Только вот кота, готового в любую минуту выпустить когти. Отец полностью расслабился, растекся по стулу, посматривал на Линаса свысока, но без надменности, так, с добродушной усмешкой родителя. Снежинки на его волосах и одежде растаяли, отчего смоляные пряди блестели как шелк, а под ногами образовалось целое море грязной воды.

– Опять зелье! Кажется...

– Цыц, я еще не договорил!

Юргас властно поднял руку и, видимое ли дело, Линас замолк. Недовольно сопел, но молчал! Неужели отец и над ним возымел власть?

– Итак, попытаюсь в третий раз донести до вас мою мысль. Аурелия выходит замуж. Достойны вы ее или нет, оставим за скобками, я свое согласие дам. А вот дальнейшая ее жизнь меня сильно тревожит. Вы, насколько мне известно, до сих пор в ссоре с родителями, намертво застряли в Колзии, ведете жизнь мещанина. Совсем не этого я желаю моей девочке.

«Моей девочке». Глупое сердце затрепетало, волной чувств подступило к горлу. Он никогда не называл меня так! «Стоп, вспомни о матери», – попыталась урезонить себя, но глупая улыбка все равно озарила лицо. Где-то в глубине души, мне хотелось от Юргаса заботы. Нормальной семьи, нормального отца, желательно с нормальными занятиями и моралью. Последнее – невыполнимые мечты. Скорее я попаду во фрейлины к королеве, чем Юргас переметнется на светлую сторону.

Однако он не упоминал о своем даре врачевания. Или?.. Ну да я не спрашивала.

– Я хочу, – постукивая пальцами по столу, продолжил Юргас, – чтобы она стала настоящей леди. Дети должны жить лучше родителей, верно? Аурелия и будет, госпожа из гостиницы – ее пропуск. Именно поэтому я зашел к вам, светлейший, и настоятельно требую мне не мешать.

– Требуете? – сдвинул брови любимый.

Пальцы его озарили легкие лазоревые всполохи.

– Мальчишка! – презрительно обронил Юргас.

Он не предпринял никакой попытки защититься, не меняя позы, по-прежнему вальяжный, уверенный в себе, равнодушно наблюдал за сгущающимися вокруг него чарами.

– Аурелия, ты свидетельница, я не нападаю, предупреждал. Начальник магической службы сам себе причинит вред. И все ради того, чтобы доказать, что он самый главный, важный. Не наигрался в детстве.

Тихие слова Юргаса подействовали на Линаса как ушат воды. Он моргнул, развеял чары, смущенно пробормотал:

– Действительно, глупо!

– Ну и прекрасно! – одобрительно кивнул отец. – Зачем ссориться со мной на пустом месте? Вас сюда послали учиться жизни, а жизнь, светлейший, – это компромиссы, умение вести себя по-разному, в зависимости от обстоятельств, гибкость, а не неукоснительное слепое следование инструкциям. Никто вас не повысит, пока не освоите сие искусство. Думаете, мне очень нравится монсеньор Гинтас? Или вы? Ничуть не бывало! Но я понимаю, что в некоторых случаях нужно уступить. Моя дочь любит вас. Ну, связалась с инквизитором – не запирайте же мне ее в темнице! Девочка взрослая и сама может...

Конец вгонявшей в краску, временами не только от стеснения, проповеди положил очередной стук в дверь.

– Кто там еще? – недовольно отозвался Линас.

Дверь робко приоткрылась, явив растерянного лакея в лифрее болотного цвета.

– Мне это... – Он замер на пороге, в нерешительности обвел взглядом небольшую прихожую. – Мне инквизитора надо.

– Ну я инквизитор, – со вздохом откликнулся любимый и, взглядом дав понять Юргасу, что разговор еще не окончен, позже он тоже выскажется, направился к позднему визитеру. – Что надобно?

– Ее светлость пропала. Ее... Ее демоны унесли.

Глава 4

– Ее светлость – значит, герцогиня...

Осмыслив слова лакея, Линас обернулся к Юргасу:

– Ну?

Любимый метал грома и молнии, тогда как лицо отца излучало безмятежность.

– Что – ну? Вы ставите мне в укор общение с высшим светом или обвиняете в похищении?

– Демоны – это ваших рук дело.

Линас бросил на меня короткий извиняющийся взгляд.

– Прости, Аля, я должен поступить по букве закона. Именем...

– Стоп! – оборвал его Юргас. – То есть высказаться мне вы не позволите, на основании слов какого-то слуги, который вдобавок меня лично ни в чем не обвинял, засунете в каталажку? Профессионально, нечего сказать!

Лежавшие на столе пальцы отца напряглись. Он несколько раз сжал и разжал их, размял плечи, словно боец перед поединком, зачем-то ослабил ворот рубашки. Глаза его сузились до размера змеиных зрачков. Юргас готов был напасть, но пока выжидал.

Заметалась взглядом в поисках того, что сошло бы за оружие. Причинять вред никому из близких я не собиралась, точнее, серьезный вред, а пара ссадин и легких ушибов осту-

дят горячие головы. Поступить планировала по справедливости, то есть надавать по шее обоим.

На огне грелся чайник. Прекрасно! Сняла его с очага и пригрозила:

– Если не уgomонитесь, устрою обоим горячую ванну!

Убедившись, что мои слова возымели действие, во всяком случае, открытого столкновения не последовало, обернулась к лакею. Бедняга успел пожалеть, что заглянул к нам на огонек.

– Любезный, что случилось с ее светлостью?

Старалась говорить как можно ласковее, но чайник с кипятком несколько портил впечатление.

– Может, поставите?

Лакей взглядом указал на оружие примирения.

– Обязательно, как только все выясним, так сразу.

Знаю я мужчин, отвернешься, они уже сцепились! В случае с отцом и женихом... Укоризненно покачала головой и выместила все накопившиеся эмоции на Юргасе:

– Зачем вы вообще явились? Помолвку мою расторгнуть?

Мол, я не жил нормально, так и ты не живи?

Стоило найти виноватого, сразу стало легче. Позабыв о слуге и герцогине, покачивая чайником, двинулась к отцу. Жутко хотелось вцепиться ему в волосы! А что, из-за него одни беды.

– Ненавижу!

Метательный снаряд, запущенный силой дочерней любви,

полетел в Юргаса. Не то чтобы я хотела его изувечить, просто сорвалась. А он... Честно, из двоих упрямец к Юргасу у меня накопилось гораздо больше претензий.

Отец продемонстрировал поразительную ловкость – поймал чайник и не обжегся. Поставил на пол и предельно серьезно спросил:

– Все?

Прислушалась к себе. Действительно полегчало. Внутри царило приятное опустошение, плакать и крушить мебель больше не хотелось.

– А раз все, приготовь чаю. – Злосчастный чайник вернулся в мои руки, правда, нормальным путем, не в виде броска. – Мы потом поговорим на тему выдержки и эмоциональной разрядки.

Кажется, Линас что-то понял. Да что там «кажется», он напрямую, на повышенных тонах спросил:

– Вы с ней занимаетесь?!

Постороннего не постеснялся.

– Ну я, пожалуй, пойду, – сделал правильные выводы четвертый лишний.

И попятился к двери. Не удивлюсь, если по лестнице с громкими криками: «Чернобог здесь!» сбежит.

– Нет уж, постойте! – задержал его Линас и, обернувшись к Юргасу, пообещал: – Мы договорим после.

Отец соорудил гримасу, означавшую: «Ни о чем я с вами беседовать не собираюсь». И ведь не станет. Если хотел, Юр-

гас умел делать так, чтобы его не могла найти лучшая сыскная команда.

– Давайте по порядку. Как зовут вашу хозяйку, какие демоны и куда ее утащили?

Линас силой провел лакея в гостиную, усадил на стул. Так как слуга категорически отказывался сидеть рядом с Юргасом, пришлось тому с крайне недовольным видом подняться. Однако уйти отец не ушел, наострил уши. Я тоже, рискуя просыпать чай мимо заварочного чайника.

Мы с отцом повязаны этой демоновой герцогиней. И ведь не докажешь, что пальцем ее не тронула! За Юргаса не поручусь, понятия не имею, чем он занимался, пока якобы провозжал именитую клиентку.

Руки подрагивали. Смочив горло водой, до боли стиснула ложку. Вот так, нужно сместить фокус внимания. Тебя никто ни в чем не обвиняет, Аля. Пока. А если... Зыркнула на отца. Тот успокоил взглядом. То ли не сомневался в собственной безнаказанности, то ли действительно невиновен. В последнее верилось слабо: я привыкла, что за каждым громким происшествием в волости стоял Юргас.

Сгорбившийся лакей только мекал: чего-то боялся. Или кого-то?

– Ну же, говорите смело! Господин... Милорд... Словом, выйдите! – так и не определившись, как правильно обратиться к Юргасу, приказал Линас.

Закатила глаза. Наивный – выставить моего отца!

– И не подумаю, – дерзко ответил Юргас. Я же говорила! – Хотя бы потому, что я могу назвать вам полное имя якобы похищенной особы и место, где она сейчас находится.

Бум – это упал со стула лакей. Уставившись на Юргаса круглыми, как монеты по десять злотых, глазами, он некоторое время молчал, а потом как завопит:

– Это он!

– Кого только не берут стоять на запятках кареты! – поморщился отец и раздраженно ответил на хмурый обвиняющий взгляд Линаса: – Я же говорил, что встречался с герцогиней, светлейший. Демон, о котором талдычит этот идиот, – кузен моей матери, Аля его знает.

Кивнула:

– Ифор, если не ошибаюсь.

– Именно. И никого он не похищал, а с помощью портала переправил в мой замок. При всем уважении к здешней гостинице, ночевать здесь я бы побоялся. Пол в моем трактире чище тамошних постелей!

– Я вам не верю.

Сделав шаг к Юргасу, Линас упер указующий перст ему в грудь – рискованно! Но отец уже выпустил пар и прибывал в благостном настроении.

– Слова дворянина хватит? Или слова мага?

– Нет. Я хочу собственными глазами...

– Аурелия, идем! – кивнул мне Юргас и направился к двери. – Тебе покажу, ему нет. Я вам не верю, светлейший, и

будь вы хоть трижды мой будущий зять, не позволю переступить порог моего замка.

Линасу бы обидеться, а он от души рассмеялся:

– У нас, оказывается, много общего – взаимное недоверие. И все же, вам придется проявить гостеприимство. В ваших же интересах, потому как общество демонов, будь они чьи угодно родственники, недопустимая компания.

– На моих условиях. – Чернота, словно море, плескалась в глазах Юргаса. Ноздри чуть подрагивали, выдавая тщательно сдерживаемую ярость. – Вы не станете препятствовать моему общению с дочерью, перестанете задавать вопросы, требовать от нее отчета. В свою очередь, могу обещать, что она не нарушит условия своего помилования.

Линас колебался. Часть его, та, которой заведовал долг инквизитора, толкала напомнить Юргасу о своих полномочиях, пригрозить силой. Другая ратовала за мирное разрешение конфликта.

Я же... Я поняла две вещи: чай в этом доме сегодня никому не понадобится, а учебу у отца продолжить придется.

– Я не могу дать ответа прямо сейчас, – нашел компромиссное решение Линас. – Крайне опрометчиво с моей стороны разрешать то, о чем я не имею ни малейшего понятия. Особенно, если оно касается вас.

– Значит, увидите герцогиню завтра утром. Ифор возвратит ее со всей возможной предупредительностью. Счастливо оставаться!

Отвесив Линасу нарочито издевательский поклон, вдвойне неуместный при разнице в их социальном положении (барона на голову выше сына лорда), отец направился к двери. Упругая, легкая походка, разворот плеч – чувствовалась в нем демоническая кровь, да что там, властность. «Он затмил бы всех гостей Вальтера Клавела, – пронеслось в голове. – Естественно смотрелся бы в любом начальственном кресле». С сожалением признала, что во мне отцовской грации нет. Провинциальная ведьма провинциальной ведьмой! Прежде я этим гордилась, а теперь как представила себя на свадьбе рядом с двумя мужчинами, каждый из которых – готовый светский лев... Этак решат, что Юргас свою поломойку замуж выдает!

– О чем задумалась? – прильнул к моему уху Линас.

Пока я предавалась самобичеваниям, лакей герцогини тоже улизнул в ночь, мы с женихом остались одни.

– Как думаешь, меня можно обучить хорошим манерам?

– Это тебя слова отца всколыхнули? – Любимый покрыл мою шею быстрыми поцелуями. – Про свет, балы...

– Нет, просто хочу утереть нос твоей семейке.

Правду, разумеется, не сказала, зачем мужчинам правда? Тем более она неприятная. Ну, для Линаса. Вряд ли ему понравится, что я собралась хоть в чем-то походить на отца.

– Ты уже утерла. – Линас потянулся к пуговицам на моем платье. – Маме до сих пор икается. Но хватит о них. До того, как явился твой отец, мы собирались...

– Ммм?

Развернувшись в его объятиях, прильнула к губам любимого и... У нас проходной двор, что ли?! Выругавшись, покосилась на Линаса: может, ну его? У нас тут романтическая ночь намечается, все завтра.

– А вдруг там что-то важное?

Линас предпринял попытку открыть, но я удержала:

– Важное уже приходило. Если там никто не умер...

Стук повторился. Ну, смертник, если никого не отравили, хранить тебе десять лет обет безбрачия!

Мрачная и рассерженная, быстрым шагом пересекла комнаты, лязгнула замком.

– Двадцать лет! – выплюнула в лицо широко улыбавшейся Лайме, рывком забрала у нее корзину с порошками и, не позволив сказать ни слова, захлопнула дверь. – И чтобы потом в любовники достался слепой, глухой паралитик!

– Кого это ты так? – заинтересовался Линас.

– Так, одну хорошую знакомую. Я у отца корзинку для мэтра Мару забыла, она любезно занесла.

И, судя по коварной улыбке, рассчитывала выдать мою тайну, так что пожелания пришлись кстати. Выждала, пока Юргас уйдет, на морозе караулила, на ночь глядя явилась. Мол, смотрите, светлейший, я вашей невесте порошки принесла, сделала по приказу ее папеньки, пока они с ней темными делами занимались. У, змея! Пусть молится, чтобы Юргасу не сказала. Или забыла, что случилось с Руттой? Та тоже

решила отомстить, только чудом жива осталась, сидит сейчас в тюрьме за изготовление ядов.

– Странные у вас, женщин, понятия о дружбе! – рассмеялся Линас и сунул нос в корзину.

Задержала дыхание. Вдруг там вовсе не порошки от кашля? Но нет, так далеко коварство Лаймы не зашло.

Попыталась перевести все в шутку:

– Мы не женщины, мы ведьмы. У нас плюнул в суп – доброго утра пожелал.

И утащила Линаса в постель – единственное место, где он точно не станет ни в чем меня подозревать.

* * *

Деревня спит, а ты уже на ногах. Все потому, что наказана королевством и отказаться не можешь.

Позевывая в кулак, тащилась вслед за Вилкасом, нашим волостным некромантом, к реке. Право, не знаю, какой толк от светлой ведьмы в деле об утопленнике, но власти в лице Линаса полагали, допросить русалок не повредит. А кому допрашивать – разумеется, мне. Видите ли, у них к мужчинам врожденное предубеждение.

– Неужели до полудня не потерпел бы? – ныла, с трудом преодолевая сугробы. – Или вы с Эгле поссорились, поэтому тебе не спится?

Эгле – невеста Вилкаса. Все еще невеста, что наводило на

определенные подозрения.

– Спасибо, у нас все хорошо. – Некромант помог взобраться на горку, дал возможность отдышаться. – А вот у тебя... Слышал, вы со светлейшим поссорились.

Шумно засопела и ударила ногой по снежному насту.

– Не то чтобы...

– Поэтому ты торчишь в Малых ямках и носа в Колзий не высовываешь? – поддел Вилкас и добродушно шлепнул по спине. – Полно, мне-то можешь признаться, ты с Юргасом снюхалась, а он узнал и...

– Ни с кем я не снюхалась! – Ответила некроманту тычком в грудь и, надувшись, упрямо зашагала вперед, к реке. – И не ссорились мы, просто... Невыносимый он, вот! После приезда герцогини извел вопросами. Будто я виновата, что у меня отец – наполовину демон и тесно общается с некоторыми из столицы! Хотел, чтобы я за Юргасом шпионила, обо всем докладывала. Я отказалась.

И заодно перестала навещать к отцу, чтобы никому из мужчин не было обидно.

Мне требовалось время подумать, а думалось, как известно, лучше на природе, в тишине и покое. И надо же было Томасу утопнуть!..

Спрашивается, что привело его к реке? Ладно бы в полынью ухнул, из которой местные брали воду... Рыбалкой не увлекался, пил тоже в меру. Вилкас полагал, бедняга возвращался из Больших ямок, где проживала его сестра, ре-

шил сократить дорогу, но провалился под лед. Только русалки тут причем?

Вокруг одни темные личности! Все чего-то не договаривают, пользуются моей беззащитной добротой. Но ничего, весной, как закончится срок моего наказания, я им за все отомщу: и за зелья, и за подъемы засветло, и за порошки, и за «подай-принеси». Меньше, чем за злотый, ноги с постели не спущу.

– И правильно сделала! – неожиданно поддержал меня Вилкас. – Лучше не наживать такого врага.

Сменила тему:

– А ты пешком или верхами?

– Верхом, но случайно. Вот, – некромант сцедил зевок в ладонь, – к работе припекли.

– А чтобы не так обидно, ты меня разбудил.

Вилкас рассмеялся. Рыжий, плечистый, высокий, он давно стал предметом грез местных одиноких дев, но хранил поразительную для мужчины верность невесте. Они с Эгле с детства знакомы, признаю, я иногда чуточку к ней ревновала. Прежде хотелось, чтобы Вилкас уделял мне больше внимания. Прежде – это до Линаса. Но в романтическом плане... Несмотря на наши порой очень смелые шуточки, мы ни разу не целовались, не говоря уж о большем.

– Тут?

Наконец добравшись до припорошенного снегом льда, указала на темную прорубь. В глаза сразу бросалась ее

неправильная, рваная форма и лучи трещин, разбегавшихся от нее во все стороны.

– Вроде, – для некроманта Вилкас говорил не слишком уверенно. – Тело могло унести течением. Собственно, мне за тем и нужны русалки – найти его.

– В качестве бесплатной рабочей силы, чтобы самому не нырять, – поддела я.

Да, злая, не выпалась.

– Так холодно, окоченею, – оправдывался Вилкас и с лукавой искоркой в голосе добавил: – Никто ж не согреет.

Отмахнулась:

– Больно тебе нужно! Хотел бы, давно все получил. Ты мне лучше объясни свое «вроде».

– А чего тут объяснять? Меня разбудили, сказали: человек утоп. Все. Сейчас вместе разберемся.

Вилкас деловито осмотрел прорубь, снял перчатки.

– Ух ты! – не удержалась от восхищенного возгласа, когда вспыхнули татуировки на его запястьях, словно вода, стекли по ладоням на лед.

Это... завораживало. Все же магия – самая прекрасная вещь на свете, куда до нее драгоценностям герцогини! К счастью, она благополучно отбыла восвояси, на прощание около получаса о чем-то шушукалась с Юргасом в карете. Мне о том разговоре отец не сказал ни полслова. Видимо, отказался от первоначальной идеи задействовать меня в изготовлении зелья. Ну и к лучшему, все какой-то толк от сомнитель-

ного вечернего визита.

Лед будто подсветило изнутри. Ручейки магии напоминали кровеносные артерии. По цвету тоже похожи – темно-фиолетовые. Поймала себя на том, что, открыв рот, пялюсь на них. Видел бы меня Юргас!.. Сразу бы отказался от мысли, что такая девица способна стать его наследницей.

– Аль, – не отрываясь от работы, кинул мне Вилкас, – русалок зови! Бедняга не утоп, его убили. После сделали дыру во льду и бросили тело в реку.

Вспыхнув, от проруби пролегла вправо, мимо моих ног темно-фиолетовая полоса, замерла метрах в десяти. Пожившись, поспешила отойти, чтобы избежать неприятного соседства.

– Убили? – шепотом повторила вслед за Вилкасом.

Остатки сна мгновенно слетели. Мороз стал жестче, а подбитое мехом пальто – тоньше. Зябко поджав пальцы ног, с надеждой смотрела на Вилкаса. Он ведь мог ошибиться? Тела нет, откуда он знает?.. У нас, в Малых ямках, убийств отродясь не случалось. Ну поколотит кто кого по пьяни, так наутро оба ко мне, последствия лечить. Да и за что Томаса убивать? Он парень тихий, работающий, конюхом на постоянном дворе служит.

– Да, вот здесь.

Будто пугающей фиолетовой полосы мало, в серое, едва розовеющее небо устремился зловещий черный череп. Брр! Пересилив себя, приблизилась к месту предполагаемого

убийства, наклонилась.

– Вилкас, тут кровь, – растерянно пробормотала, указав на темную россыпь на снегу.

А потом сообразила:

– Кто тебя разбудил, кто сказал, что Томас утонул?

– Местный мальчишка.

Вилкас замер, а потом резко развернулся, зашагал обратно к Малым ямкам.

– Ты куда? А как же русалки, поиск тела? Тебе совсем неинтересно?

Проваливаясь по колено в снег, поспешила за ним.

– Наоборот, Аля, мне очень интересно. Нужно поймать мальчишку, пока он не сбежал.

– Зачем?

– Затем, что он соврал и покрывает убийцу. Я теперь вспомнил, что меня сразу смутило: я тут всех, почитай, знаю, а его физиономию видел в первый раз. Он меня торопил, мол, вдруг еще помочь успею.

– Ясно, отвлекал. Только от чего?

Надеюсь, во время нашего отсутствия в деревне никого не убили.

На первый взгляд, в Малых ямках было тихо, но Вилкас настоял на подворовом обходе. Спрашивали не только, живы ли все домочадцы, но и искали таинственного мальчишку. Он как в воду канул, будто привиделся.

– Чернобожьи козни! – устало развел руками Вилкас, ко-

гда в последнем доме нас заверили, что никто не умер и умирать не собирался. Ну, кроме Томаса. – Скоро его ночь, вот и куражится.

– Давай хоть завтраком накормлю. – Свернули к моему жилищу. – А потом, со свежими силами к русалкам, в город – куда там положено?

Из почтового ящика что-то торчало. Заприметила краешек желтого конверта издали и сильно удивилась. Я ни с кем не переписывалась, Линас тоже ныне раздавал указания лично... Или будущая свекровь решила продублировать приглашение, чтобы не соврала, будто первое письмо потерялось по дороге?

– Я сейчас, ты на крыльце пожди, – крикнула Вилкасу, а сама смахнула снег с почтового ящика, вытащила конверт.

Хм, следы свежие. Кто-то долго топтался у калитки, а потом ушел через поля, в сторону реки. Туда, где убили Томаса.

– Ну, чего там? – нетрепливо окликнул некромант.

Бедняга устал, продрог со сна и мечтал поскорее очутиться на моей уютной кухне. Не стала его задерживать, вскрыла конверт уже дома. И как-то резко передумала ставить чайник.

На стол выпала открытка с белыми лилиями. Все бы ничего, но на ней стоял отпечаток печати Дье. С некоторых пор я хорошо знала фамильный герб: отец на законных основаниях пользовался таким же.

– Да пошел ты!

Скомкав открытку, швырнула ее в топку печи и елеинным голосом посоветовала Вилкасу:

– А поболтай-ка ты о Томасе с Юргасом. Обнаглевшему папаше не помешает встряска небольшим испугом. Даже если он не причастен к смерти бедняги, точно был здесь сегодня ночью.

Не сомневалась, лилии – намек на средство для Эрнестины Кофф. Этот цветок, в числе прочего, олицетворял чистоту и невинность. Недаром богатые использовали его на похоронах – мол, смотрите, каким хорошим человеком был усопший.

– Сделаю. Только сходим вместе.

Усмехнулась: даже Вилкас боялся моего отца! А кто его не боялся? Вопрос риторический и явно не для девяти утра.

Глава 5

– Вилкас, – Юргас склонил голову набок, смотрел как на сумасшедшего, – ты сейчас серьезно?

– Ну...

Некромант виновато покосился на меня. Мол, это не я, это ее идея.

– По-твоему, я накинул личину мальчишки и сообщил о преступлении, которое сам же совершил?

Коротким смешком Юргас выразил отношение к происходящему. Похоже, он успел пожалеть, что впустил нас, провёл наверх, подальше от чужих ушей. Не в кабинет или в библиотеку – в одну из комнат, сдававшихся внаем. Обычно сюда поднимались парочки, проводили вместе ночь, а то и вовсе пару часов, так что большую часть времени спальня пустовала. Впрочем, если не знать, ни за что не догадаешься, чем здесь занимались: чисто, опрятно, скромно. И, главное, есть стол со стульями, на которых можно удобно расположиться. Только вот сидел один Юргас, мы с Вилкасом предпочли постоять.

– Всякое случается, – неуверенно заметил Вилкас.

– Положим. Но ты бы все равно понял, что это убийство, какой мне смысл?..

– При всем уважении к вам, господин барон, – Юргас фыркнул, услышав это своеобразное обращение, – темные

иногда склонны к немотивированной жестокости.

– И разжижению мозга, полагаю, раз хотят, чтобы их поймали.

Отец нервничал, то и дело касался колец на пальцах, пару раз порывался встать, дергался. Неужели я угодила в точку? Но зачем?.. Пыталась найти и не находила причин, по которым Юргасу потребовалось убивать Томаса. Или он не убивал, просто был там и не помешал? За такое тоже могли наказать.

Откашлявшись, Вилкас положил на стол открытку с лилией и предельно вежливо попросил:

– Можно взглянуть на ваши руки? Заметьте, я пока не говорил светлейшему...

Юргас угрюмо молчал. На лице отразилась напряженная работа мысли.

Виновница неприятного разговора в моем лице стояла в дверном проеме, готовая в любой момент кинуться за помощью, благо Вилкас благоразумно попросил солдат подежурить у трактира Юргаса. Пока беседа складывалась мирно, но кто знает...

– Хорошо, и что ты хочешь увидеть?

Взгляд отца чиркнул по моему лицу. Будто ожог оставил! Странно, почему до сих пор не высказался на тему вероломной дочери, очевидно же, кто надоумил Вилкаса обвинить его.

Ответила Юргасу улыбкой. От нашего стола к вашему. Я

предупреждала, между нами пропасть, чего он хотел, угрозами заставив пойти к нему в ученицы?

– Перстень. Родовой перстень Дье. Он ведь у вас?

Юргас кивнул. Он неохотно стянул кольцо, взвесил на ладони и положил на стол. После подтолкнул его к Вилкасу.

– Смотри! Только к смерти того несчастного я не имею никакого отношения. Какой мне прок от его смерти?

– Он мог что-то видеть. Точнее, кого-то, – упрямо возразил Вилкас и осторожно коснулся перстня.

Юргас отреагировал на его страх снисходительной усмешкой:

– Я не собираюсь тебя убивать. Охранных чар на перстне нет. И меня в Малых ямках тоже не было. Зови уж светлейшего, закончим этот фарс! – с тяжким вздохом, принял он непростое решение, снизошел до общения с властями.

– Полагаю, нам лучше обойтись без него, – резонно заметил Вилкас. – Светлейший вас недолюбливает.

– Как и все вы. Ты тоже, Вилкас. Что взгляд отводишь? Темный маг всегда одинок, всегда кость в горле. Но если ты так настаиваешь...

Юргас поднялся. Повинуясь инстинкту, Вилкас сосредоточился на его движениях, оставил открытку и перстень лежать без присмотра.

– Я могу показать тебе свою коллекцию оружия. Только вот новых флюидов смерти ты на ней не найдешь.

– А старых?

– А на старые закроешь глаза, – чуть повысил голос Юргас, поставив точку в данном вопросе.

Вилкас вздохнул, кивнул. Видела, ему некомфортно, хочется скорее уйти. Но дело превыше всего.

Воспользовавшись образовавшейся паузой в разговоре, ерничая, поинтересовалась:

– Что, демоны и любовницы закончились, раз сам мне открытку в ящик кинул? Красивая, я оценила. Могу в ответ подарить с маками.

– Дура! – Впервые на моей памяти Юргас вышел из себя настолько, чтобы опуститься до обычных оскорблений. – И дружок твой идиот, раз ко мне прискакал, а не с трупом беседует. Выслужиться за мой счет перед светлейшим желаете? Не выйдет!

От удара кулаком на стене осталась трещина.

Выпустив накопившуюся злость, Юргас вернулся к прежней, спокойной манере общения:

– Насколько я понимаю, обвинение строится на оттиске печати? Она моя, не спорю, только, повторяюсь, в Малых ямках меня не было. Поверишь на слово, Вилкас. Далее, я не имею привычки убивать людей просто так. А если вдруг бы начал, то свернул шею Линасу Клавелу, а не бедному Томасу. Судьба и так жестоко над ним посмеялась, оставив вечным ребенком. Я ему деньги иногда оставлял, когда... Впрочем, неважно. Словом, просил присмотреть за конем.

– И часто просили?

Увлеченные беседой, мы не услышали скрип половиц и, как следствие, появление Линаса.

Юргас тут же стал мрачнее тучи. Смотрел исподлобья – на меня.

– Это не я!

Пискнув, поспешила укрыться за спиной любимого.

– И не я.

Вилкас тоже предпочел подготовиться к обороне.

– Верно, – подтвердил Линас. – Увидел солдат у входа, решил зайти.

– И давно вы завели привычку прогуливаться возле моего дома, светлейший?

Глаза Юргаса сузились до тоненьких ниточек.

– С тех пор, как вы сбили с пути истинного Аурелию.

– Как патетично звучит! Вселенское зло во плоти, только рогов и копыт не хватает. Ну и хвоста.

Хрипло рассмеявшись, Юргас вернулся к столу, надел фамильный перстень.

– Ну что же вы, – елейным голосом произнес он, – присаживайтесь! Вам ведь не терпится меня допросить, заковать в кандалы.

Отец ногой отодвинул стул, сел сам и с вызовом откинулся на деревянную спинку. По иронии судьбы, его сегодняшнее одеяние соответствовало накалу страстей: сочетание пылающего красного и глубокого черного. Из-под расстегнутого ворота рубашки выглядывала пригоршня амулетов. Запя-

стья обеих рук оплели кожаные браслеты. Казалось бы, мелочь, но ведьма на то и ведьма, что для нее нет несущественных деталей.

– Вы кого-то опасаетесь, – указала на браслеты. Они заговоренные, с вплетенной между шнурами красной нитью. – Или собирались туда, где вас могут убить.

Отец промолчал. Что ж, это уже ответ.

Повернулась к Линасу и сказала то, чего при иных обстоятельствах от себя не ожидала:

– Он никого не убивал, зато кто-то хочет убить его.

– У тебя слишком бурная фантазия! – Актерские навыки подвели Юргаса, улыбка вышла фальшивой. – Но в одном ты права, крови Томаса на моих руках нет. И мне очень интересно, кто пытался меня подставить. Так что, господа, – он поднялся, стряхнул с ладоней невидимую пыль, – вам придется посвятить меня во все детали расследования. И взять собой на допрос. Мешать Вилкасу не стану, постою, послушаю... Аурелия, надеюсь, ты подаришь мне открытку? Очень люблю лилии.

Переглянувшись с Вилкасом, после его одобрительного кивка передала отцу вещественное доказательство. Линас, разумеется, недовольно засопел в ухо, но его мнения по данному вопросу не спрашивали.

– Дорогая! – повертев открытку в руках, протянул Юргас. Он глянул ее на просвет, принял:

– Пахнет женскими духами. Таких в нашей волости нет,

это по части столичных модниц.

– Намекаете на то, что герцогиня?..

Юргас выразительно постучал себя по голове. Мол, какие еще бредовые идеи посетят?

– Я не намекаю, я изучаю предмет, делаю чужую работу. Но раз уж тебе нечем заняться, принеси мне увеличительное стекло. Оно там, рядом...

Краем глаза заметив, что Линас принял охотничью стойку, готовый с криками: «Ага, так я и знал!» обвинить нас в тесном научном сотрудничестве, отец не закончил, буркнул:

– Сам принесу!

И счел нужным добавить:

– А насчет вашего визита без приглашения, светлейший, – в первый и в последний раз. В обеденный зал наведывайтесь сколько душе угодно, а наверх – только в моем сопровождении.

Юргас вернулся быстро, Линас едва успел проверить углы на предмет пыли и пошарить под кроватью в поисках трупов.

Склонился над оборотной стороной открытки, отец пристально изучил оттиск через лупу и покачал головой:

– Печатка не моя. Везде шероховатости, а у меня резьба гладкая. Тут и вовсе рисунок смазался – подделка. Но так как я лицо заинтересованное, – Юргас всем корпусом развернулся к Линасу, – позовите в управление ювелира, из своих, инквизиторских специалистов. В назначенное время приду, предоставлю перстень для изучения. А пока... Пока с

наилучшими пожеланиями заберите открытку, светлейший. Лилии вам к лицу.

Любимый мужественно проглотил колкий намек, понимал, собеседник имел на него полное право: его огульно обвиняли в убийстве. Даже мне стыдно стало.

– Простите, я не думала. Решила: открытка – ваша злая шутка.

Отец осуждающе покачал головой.

– Никогда не оправдывайся, Аурелия.

И, словно речь шла об увеселительной прогулке, обратился к остальным:

– Я готов, господа! Послушаем, что расскажет утопленник.

* * *

Наш утренний обход не прошел даром, к тому моменту, как мы всей компанией добрались до реки, у проруби скопилась чуть ли не все Малые ямки. Порадовалась тому, что Вилкас осмотрел место преступления в предрассветных сумерках: сельчане благополучно затоптали все следы. Они галдели, наперебой строили предположения, как погиб Томас. На злоумышленников не грешили, чаще всего обвиняли зеленого змия. Де, приложился к бутылке и угодил ногой на тонкий лед. Кто-то рыбу ловил, дыра затянуться не успела.

Томаса жалели. Громче всех вздыхал хозяин постоянного

двора, сетуя, что такого работника больше не найти:

– Тихий, исполнительный.

«И согласен трудиться за грош в неделю», – добавила от себя, мысленно, разумеется.

– А тому, что пил он, не верьте! Это твой за воротник заливает, – напустился на одну из женщин не на шутку разбушевавшийся корчмарь, – а Томас даже по праздникам ни капельки, уж я-то знаю!

Сельчане тут же разделилось на две группы, каждая яростно отстаивала свою точку зрения. Одна сводилась к тому, что не пьют только мертвые, вторые это утверждение опровергали.

– А ну, разойдитесь! – басом гаркнул капрал. – Разойдитесь, чернобогово племя, а то всех в околоток посажу!

Угроза подействовали, люди неохотно разбрелись по своим делам. Остались только владелец постоянного двора и зареванная сестра Томаса с мужем из Больших ямок. Все трое с опаской посматривали на Линаса, с суеверным страхом косились на державшегося в стороне Юргаса. Он отказался ехать с нами в служебном возке, гарцевал на своем гнедом жеребце.

– Выловить бы его! – опустившись на корточки перед прорубью, с тоской протянул Вилкас и подул на ладони: без перчаток они быстро мерзли. – Может?..

Он с надеждой покосился на меня.

– Что надо-то? Труп поднять? – лениво уточнил молчав-

ший всю дорогу Юргас.

Он сделал пас рукой, крутнул запястьем, и лед взорвался фонтанами брызг, вышвырнув на берег тело несчастного Томаса.

– От матери дар достался, – равнодушно пояснил Юргас. Подозреваю, что не один.

Но как эффектно!.. Мне пришлось бы русалок уговаривать, солдатам – нырять в ледяную воду, а он раз – и за минуту управился.

– Ну-с, приступим!

Вилкас склонился над трупом и потребовал не мешать.

Линас переместился ближе, чтобы все видеть и слышать, я – чуть дальше, потому что, наоборот, видеть ничего не хотела. Солдаты и Юргас остались на месте.

Искоса поглядывала на отца, пытаюсь отыскать следы былой нервозности. Ничего такого, только предельно сосредоточен. Раз так, попробую спросить:

– Как думаете, кто его убил?

Юргас пожал плечами. Он смотрел поверх моей головы: следил за действиями Вилкаса.

– Сердитесь? Я действительно вспылила из-за...

– Т-сс!

Юргас прижал палец к губам и приподнялся на стременах. Заинтригованная, обернулась, тоже привсталала на носочках – из-за спин солдат мало что видно.

– Ай!

Ухватив под мышки, отец усадил меня в седло перед собой. Лука больно врезалась в тело, зато теперь я во всех деталях видела дух покойного, паривший над телом.

– А почему он такой плотный?

Привидения, с которыми мне доводилось встречаться, подходили на дымок от костра, дунь и развеются. А еще были одинаково бесцветными.

– Потому что умер меньше суток назад. Сделай милость, помолчи! – недовольно проворчал Юргас.

Кивнула и вся обратилась в слух: покойный Томас заговорил. Первым делом Вилкас заставил его представиться, подтвердить свою личность. Затем поинтересовался, что привело его на берег реки в ночной час.

– Так кошелек он забыл, – бесхитростно ответил покойник.

Рот его двигался, тогда как глаза, наоборот, застыли. Даже отсюда видела, что они потускнели, утратили зрачок и стали непомерно большими, чуть ли не на пол-лица.

– Кто?

Вилкас переглянулся с Линасом. Любимый подошел еще ближе, теперь практически касался сапогами трупа. На последнем, что характерно, были мягкие чуни, которые зимой носили дома. Ни теплой куртки, ни шапки. Может, их унесло течением? Вряд ли. Скорее, бесхитростный Томас бросился за будущим убийцей в чем был.

– Да постоялец наш. Сказал, до утра останется и сразу

уедет. Просил хозяина не будить.

– И ты не разбудил?

– А зачем его беспокоить зазря? Я ключи сам взял, что надо, открыл. Он перед самой зорькой засобирался, кошель обронил. Насилу догнал! Окликнул я его у ведьминой калитки...

– Ведьминой калитки? – нахмурился Вилкас и позвал меня: – Аля, подойди!

К трупу меня доставили с комфортом, не пришлось топтать по высокому снегу. Да и я, грешным делом, пригрелась на отцовской груди. Он меня еще в плащ завернул... Все, поплыла ведьма!

– Так вот же он! – неожиданно оживился при виде Юргаса призрак.

Над берегом повисла зловещая тишина. Все взгляды обратились на отца. Глаза того ожидаемо сузились, черты лица заострились. Радужку вытеснила привычная чернота.

– Ты уверен? – тихо спросил он убитого.

Линас хотел вмешаться, напомнить, что Юргас не имел права вести допрос, но натолкнулся на такой взгляд, что прикусил язык.

Я тоже боялась лишний раз вздохнуть. Еще бы, в случае чего, мне первой достанется.

– Ну... – Томас колебался.

– Не бойся, говори как есть, – сладким ядом лился голос Юргаса.

– Лицо ваше, а остальное, вроде, как нет.

Отец крепко задумался, а потом, обхватив за талию, спустил меня на землю, прямо в объятия Линаса:

– Возвращаю.

Думала, он даст по бокам коню и сбежит, но Юргас наоборот спешился, всучил поводья Вилкасу, онемевшему от подобной наглости, и опустился на колени перед Томасом.

– Так, так, что тут у нас? – с азартом ученого бормотал он себе под нос, водя рукой над грудью погибшего. Витавший над головой дух Томаса отец игнорировал. – Три удара, и только один в цель – не моя работа. Я, светлейший, не промахиваюсь, – теперь Юргас говорил громко, чтобы все слышали. – Останавливаться на постоялом дворе тоже не стану. Я существо ночное, без проблем до дома бы добрался. А надумал бы навестить дочь, не мялся бы у калитки. Даже если не хотела, впустила бы.

Со вздохом кивнула. Это точно!

– Идем далее. Кошелек.

Юргас выудил его из внутреннего кармана, поднял над головой.

– Этот, Томас?

– Нет, – без запинки ответил призрак.

– Мы могли бы продолжить, господа, но гораздо проще визуализировать воспоминания. Понимаю, – с легким презрением обронил Юргас, – для присутствующих это чересчур сложно, отсюда утомительные допросы, хождение по

кругу, но для меня... Или арестуете за незаконное занятие некромантией, светлейший?

– Н... нет, – сквозь зубы ответил Линас. – Приступайте!

– Приятно удивлен! Позволить врагу...

– Делайте, барон, пока я не передумал!

– Как прикажете, светлейший.

«Как прикажете» – умел Юргас издеваться, одной фразой поставить собеседника на колени. Но, если поведение отца не вызывало вопросов, то эмоциональное, выстраданное согласие Линаса удивило. Выходит, он верил в невиновность Юргаса – тому не составило бы труда подделать воспоминания Томаса.

– Смотри, Вилкас, покажу, как это делается. – Отец щелчком пальцем поманил некроманта. – Сначала стандартно: заземление, чтобы не утащило. Затем ментальный блок, чтобы не сойти с ума, когда в тебя хлынет поток чужих воспоминаний. Ставь хороший, тут лучше переборщить. Потом аккуратно тянешь за ниточку...

Я мало что понимала в его объяснениях, заняла позицию стороннего наблюдателя, зато Вилкас кивал, сосредоточенно повторял за учителем, изредка задавал вопросы. Юргас не огрызался, терпеливо отвечал. То есть как родная дочь, то колкости, а как Вилкас... Ладно, потом обсудим, без посторонних ушей.

– Вижу! – взорвал утро взбудораженный крик Вилкаса.

К тому моменту я успела заскучать, задремала на плече

любимого – слишком долго возились маги. Я ждала эффективных пасов, красочной магии, а они практически не двигались, в последние минуты и вовсе молчали.

– Ну? – Отстранив меня, взволнованный Линас подлетел к Вилкасу. – Он или нет?

– Похож, очень похож, но шрама нет.

– Шрам можно замазать, – упрямо возразил любимый.

– Зачем? – подал голос Юргас. – Тогда и остальное лицо надо прятать, а не светить им под фонарем. Не там вы ищите, светлейший! Но, так и быть, пришлю к вам подружку. Можете допрашивать как вздумается, хоть голову открутить – никакой ценности она для меня не представляет. Так, потискал со скуки. И ты, Аурелия, тоже не надейся, – едко добавил отец, – братишек и сестренек тебе не видать. Под кустом я только тебя нашел.

Последняя фраза – отсылка к одной из наших пылких бесед, в ходе которой я советовала хорошенько поискать в густой растительности других наследников, мне на смену.

Юргас поднялся, отряхнулся от снега и громогласно, с нескрываемым удовольствием добавил, глядя прямо в глаза:

– Жду завтра к трем. И светлейшего с извинениями.

Последнее – уже слишком, но в этом весь Юргас Дье.

Глава 6

– Совсем я тебя теперь не вижу!

Гражина, моя верная и по-прежнему одинокая подружка, поставила на стол банку с вареньем из еловых шишек. Судя по возбужденным, лихорадочным, блестящим глазам и порывистым, не всегда ловким движениям, ей хотелось обсудить вовсе не мое житье-бытье.

– Угу. С инквизицией не забалуешь!

Затешила свечу и поневоле прислушалась: после рассказа Томаса мерещилось всякое. Будто кто-то стоит под окном и дышит.

– Влюбилась ты. – В устах Гражины это прозвучало как обвинение. – Скоро и вовсе в столицу переедешь, совсем нас бросишь.

Усмехнулась:

– Это вряд ли! Максимум в Колзий переберусь. Ты только Линасу не говори, но я солидарна с отцом, сидеть ему тут до самой смерти.

– Ему-то, может, а тебе? – В голосе Гражины прорезалась легкая зависть. – Достопочтенная госпожа Дье!

Вылупилась на нее:

– Ты чего? Перестань! Какая я тебе достопочтенная?

Формально, из-за титула отца мне полагался титул учтивости, но для всех я по-прежнему Аурелия, в крайнем слу-

чае госпожа Томаско, по матери.

– Будто все слепые, не видят, как Юргас к тебе переменялся!

Уголки губ Гражины печально опустились. Отвернувшись, она сделала вид, будто заинтересовалась развешенными на просушку травами.

– При всех обнимает, на лошадь посадил, укрыл, чтобы его деточка не замерзла...

Сипло выдавила из себя изумленное: «Гражина?», а потом от души рассмеялась.

– Право, нашла, чему завидовать! В наследницы Юргасу захотелось? Думаешь, он от большой любви? Разве только к себе. Ученица ему нужна, вот и обхаживает.

– Хоть бы и так, – насупилась подруга и хлопнула носом. – Ко мне даже из корысти никто не ходит, а у тебя сразу двое. Я тоже хочу капельку счастья, но, как ни гадаю, вечно руна терпения выпадает. Надоел этот наутиз хуже горькой редьки!

Высказавшись, она помолчала и настороженно поинтересовалась:

– А насчет ученицы – это правда?

Покаянно кивнула. От подруги у меня секретов нет.

– А как же Линас? – забеспокоилась Гражина, забыв о собственных бедах. – Он ведь светлейший, а ты под наказанием ходишь.

– Они уже поссорились. Думаю, не в последний раз. Право, Гражина, – взъерошила волосы на затылке, – не знаю, как

и быть! По уму, послать бы Юргаса со всеми его угрозами, сдать Линасу, а молчу. И не только молчу, но все больше верю. Вот и с Томасом. Линас бурчит, мол, Юргас все подстроил, а я верю. Незачем ему убивать! Его одно предположение оскорбило, уж я-то знаю, успела изучить его физиономию вдоль и поперек.

– А светлейший правда извинился?

Охочая до всяких сплетен, Гражина наострила уши.

– Нет. С ведьмой той долго беседовал, а к Юргасу не пошел. И я не пошла.

Потому как снова трусливо сбежала в Малые ямки: не хотела снова выбирать, на чью сторону встать. А ведь это только начало, Аля, дальше только хуже. Надо либо отца выводить на светлую сторону, либо Линаса толкать на темную.

– Знаешь, – подперев голову ладонью, протянула Гражина, – кажись, я кой-чего ночью слышала. Живу за околицей, дорога недалеко, так будто лошадь ржала. Я даже вышла проверить, не ко мне ли.

– Та-а-ак!.. – впилась в подругу взглядом.

– Мне не спалось, – словно издеваясь, та цедила слова в час по чайной ложке. – Перемудрила с благовониями, голова разболелась. А ночь была ясная, ну ты знаешь.

– Не знаю, меня Вилкас чуть ли не на зорьке разбудил.

– Вы вместе?..

– Граня!

Покрутила пальцем у виска. Совсем бедняжке плохо, надо

срочно ее с каким-нибудь мужиком познакомить. Главное, чтобы про шептунью молчала, пусть лучше обычной ведьмой представится. Мужчины, они как про шептунью услышат, сразу наутек бросаются.

– Ну так вот, мне не спалось, – Гражина правильно поняла намеки, вернулась к прерванному рассказу, хотя приглушенный блеск на дне голубых глаз намекал, она еще поинтересуется у некроманта причиной «случайного» приезда в нашу деревню. – И овец считала, и нудную книжку по истории алхимии читала...

– Алхимии?!

Бедные мои глаза поползи на лоб.

– Где ты ее достала?

– Купила. Решила повышать свой... эээ... культурный уровень, вот. Если мужчинам не нравятся красивые женщины, стану умной. Только вот пока, – по секрету, шепотом призналась Гражина, – пока не получается.

Заверила:

– Ты у нас красавица и обязательно выйдешь замуж!

Потому как на ум я бы не надеялась. Гражина мне, конечно, подруга, но... Словом, алхимия ей вряд ли поможет.

– Спасибо!

Гражина просияла так, словно я ее уже сосватала, и игриво полюбопытствовала:

– А у тебя, случаем, холостых родственников нет?

Сострила:

– Марюс Дье пойдет? Бывший придворный маг, оголтелый преступник. Сидит сейчас в замке Неф и отчаянно нуждается в женской ласке.

И мгновенно нахмурилась, осеклась.

– Что? – Гражина заметила резкую перемену моего настроения.

– Ничего.

Уставившись на пламя свечи, вспомнила нервозность Юргаса, некоего мальчишку, которого никто отродясь не видел, человека с фамильными чертами Дье... Да нет, не мог он сбежать! Замок Неф – это почти чертоги Чернобога, даже хуже, оттуда никакой демон не вытащит. Да и если бы Марюс сбежал, давно бы подняли тревогу.

Тогда кто? Кто хотел отомстить Юргасу? Ясно ведь, Томас пал случайной жертвой. Вся его вина, что он оказался честным малым, кинулся на поиски постояльца, застал его у моей калитки. Тот кинулся бежать к реке. Томас его догнал – и получил три удара ножом в грудь.

– Как ты сказала, лошадь?

Мысленно прикинула. До моего дома далековато, зато от постоялого двора близко. Только вот зачем привязывать лошадь в подлеске, если снял комнату? Не понимаю!

– Вот.

Гражина виновато положила на стол нечто, завернутое в тряпицу.

– Следовало сержанту отдать, но я испугалась. Вдруг бы

на меня подумали?

Уставилась на тряпицу, словно на ядовитую змею, быстрым движением дернула за края... Узел развязался, явив взору окровавленный нож.

– И ты все это время молчала?!

Не в силах устоять, вскочила. Меня трясло. Хотелось одновременно хлебнуть крепкой настойки и нестись со всех ног в Колзий, к Линасу.

Потупившись, Гражина молчала.

– Ты хоть понимаешь, это орудие преступления! – дрожащим пальцем ткнула в нож.

– Понимаю, – упавшим голосом подтвердила подруга. – Я его недалече от дома в снегу нашла. И лошадь действительно кто-то в подлеске привязал: там следы, и ветки поломаны. И другие, человеческие, от реки тянутся...

– Все, пошли!

Засуетилась в поисках верхней одежды.

– Куда? А как же чай, варенье? Да и ночь на дворе.

– Сначала к Линасу, потом к Юргасу. Хотя лучше наоборот.

Кинула оторопевшей подруге шапку, пальтишко, потушила огонь.

– Я к нему не пойду! – заартачилась подруга. – Это ты у нас бессмертная, а я боюсь.

Огрызнулась:

– Тогда сиди здесь и бойся дальше!

Прихватила окровавленный нож и хлопнула дверью.

Все еще злясь на Гражину, с силой впечатывала ноги в снег, безжалостно пинала сугробы. Вот ведь непроходимая дура, битых полчаса болтала о всякой чепухе! Боится она! А убийцу она не боится? Может, он никак с Марюсом не связан, просто ведъм на дух не переносит.

Когда остановилась, чтобы перевести дух, огляделась, поняла, что почти дошла до большой дороги. И впопыхах забыла перчатки.

Обернулась, глянула на мерцавшие позади огни... и засунула руки в карманы. Ничего, и без перчаток дойду. А кто тронет... У меня нож, сама я на взводе, лучше не подходи!

* * *

– Хоть мне можете сказать, я не выдам. Что происходит?

Швырнула окровавленный нож на стол и гаркнула на подавальщицу:

– Пошла вон!

Прежде я себе таких вольностей не позволяла, но сейчас, на эмоциях...

Юргас удивленно поднял брови, но не одернул. Наоборот, на его лице мелькнуло нечто вроде удовлетворения – в полумраке толком не разглядишь.

Я добралась до Колзия глубокой ночью, поразмыслив, решила не будить Линаса и завалилась к тому, кто точно не

спал в этот час. Как я и думала, фонари у входа в трактир на окраине горели, хотя посетители большей частью разошлись, только пара наемников лениво допивали эль. Один попробовал завязать со мной беседу, но заработал красноречивый взгляд, после которого потерял ко мне всякий интерес. А вот подавальщица крутилась рядом. То ли хотела услужить, то ли подслушивала.

Несмотря на то, что Вилкас разбудил меня очень рано, сна было ни в одном глазу. Возбужденная, я бы и до столицы дошагала на одном дыхании. Зато Юргас устал, зевнул при мне пару раз. Выглядел он тоже не так роскошно, как вчера, несколько помято. Или я выдернула его из объятий очередной пассии?

– Я имел в виду три часа дня, а не три часа утра. – А вот в голосе усталости не чувствовалось. – И передай своему, что извиняться все равно придется. Это не больно, на колени не поставлю, руки целовать не заставлю, пусть просто признает ошибку.

– Кого вы боитесь? – упрямо вернулась к прежней теме. – Гражина сказала, тот человек привязал лошадь неподалеку от ее дома...

– Любопытно, однако, что сказала она это тебе, а не светлейшему. Отлично его характеризует!

– Хватит! – Ударила кулаком по столу. – Хватит придирааться к Линасу и заговаривать мне зубы! Вы... к мухаморам, ты, подавись своим отцовством, скажи наконец, кто

приходил по мою душу?

– По мою, не твою, – спокойно выдержав мою эмоциональную тираду, ответил Юргас. – Тебя мои дела не касаются. Не беспокойся, я их улажу. Томаса тоже постараюсь воскресить. Тело сейчас в подвале околотка, забрать его оттуда не составит труда. Но спасибо за заботу. Это так неожиданно! Особенно твое «ты».

Состроила кислую мину:

– Случайно вырвалось.

– Дважды повторенный случай – уже закономерность, – философски заметил Юргас и от души, прогнувшись в спине, потянулся. – За нож спасибо. С ним все совсем просто. Не потревожит никого наш недоброжелатель.

Оружие благополучно переключало в руки отца.

– Гражине скажи, чтобы помалкивала. Спала, ничего не видела и не слышала.

– Уж само собой!

Если сразу не донесла, то, считай, пособница.

– Что бабушке дарить, уже придумала? – уже другим, ослабленным тоном поинтересовался Юргас. – До Ночи Чернобога всего ничего осталось.

– Знаете... Знаешь, – говорить на деликатную тему не хотелось, но придется, поэтому решила задобрить отца сердечным «ты», – я тут решила...

– Не обсуждается! – Черные глаза полыхнули Бездной. – Ты поедешь, и точка. Собираемся в моем замке, будет вся

родня.

– Вся?

Тут мне резко стало нехорошо. Трактир поплыл перед глазами, пришлось отцу меня усадить и напоить водой.

– Ты... Ты хоть понимаешь, что Линас со мной сделает? – снова обретя возможность говорить, напустилась на Юргаса. – А монсеньор Гинтас? Да меня показательно сожгут вместо Старогоднего дерева!

Представляю, какие у отца родственнички! Сплошь демоны разных чинов, темные маги, душегубы!

– Брось, никто тебя не сожжет: не те времена. А если твоему жениху что-то не нравится – скатертью дорожка! Ты Дье, сама творишь свою судьбу, не собачонка каких-то Клавелов. Я увезу тебя в столицу, найду такого жениха, что Линас ему кофе и газету по утрам станет приносить.

Испуганно замахала руками:

– Не надо жениха, меня этот вполне устраивает.

И смирилась с неизбежным:

– А что принято дарить? Я совсем не знакома с демоническими традициями.

Надеюсь, не душу в праздничной упаковке.

* * *

Когда-нибудь наступит день, когда Линаса погребет под ворохом отчетов. Лицензирование шло полным ходом, а,

значит, количество стопок бесполезных бумаг только возрастет. Я тоже пришла внести свою лепту в виде журнала учета магических ингредиентов, проделанной работы и прочей белиберды. Пока составляла, успела сто раз проклясть инквизицию. Потом вспомнила об оказанной услуге – освобождении от тюрьмы – и отозвала проклятия. Потерпи, уже в апреле вздохнешь свободно, начнешь мухлевать. Пока врать даже в мелочах опасалась: могли назначить проверку, сличить мои записи с показаниями того же аптекаря.

«Здесь?» – для порядка поинтересовалась у Йозаса, секретаря Линаса, и после утвердительного кивка вошла. Без стука. Надеюсь, Линас простит: должны же у меня, как у невесты, быть особые привилегии?

– О, как хорошо, что ты зашла! – живо отреагировал на мое появление любимый.

Засучив рукава, он возился с какой-то штукой, отдаленно напоминавшей ручную мельницу.

– Магоскоп, – Линас указал на странный предмет. – Новейшая экспериментальная разработка.

– Ааа...

Не проявив интереса к изобретению, кинула толстую тетрадь на стол:

– Отчетность за декабрь.

– Уже подвела? Молодец! Мы как раз уезжаем девятнадцатого...

Нахмурилась:

– Девятнадцатого? А позже никак?

Ночь Чернобога пропустить невозможно. Хотя, будь моя воля, я благополучно отсиделась в Колзии, без демонов в натуральном и человеческом обличи.

– У тебя какие-то планы? – насторожился Линас и бросил свою игрушку.

Интересно, он сам ее сконструировал или выписал из столицы? Был за Линасом такой грешок – любовь к магическим наворотам. Кресло для исследования ауры в углу – живой тому пример. Прочие инквизиторы прекрасно без него обходились. Или отец прав, дар у Линаса слабенький, поэтому ему нужны всякие магоскопы?

– Ничего.

Отвернувшись, задумалась, как бы ловчее обосновать свой отказ Юргасу.

Вот ведь головная боль! Почему родственники всех мастей сговорились и вспомнили обо мне именно в конце декабря?

– А там, у твоих родителей, опять будет Лидия? С чего лорд Вальтер вдруг сменил гнев на милость? Ты же опозорил семью, глаза бы его тебя не видели – и всякое такое.

Отношения между отцом и сыном все эти месяцы складывались, мягко говоря, не очень. Точнее, не складывались вовсе. А тут это приглашение... Вальтер Клавел явно что-то затевал! Вариантов немного: сжить меня со свету или снова попытаться устроить брак Линаса с Лидией Зидек. Вариант

«простить и смириться» я не рассматривала. Отставной генерал упрям как дюжина ведьм, не терпел разногласий и шел напролом с упорством медведя.

– Причем тут Лидия? – Губы Линаса сжались в тонкую бледную линию. – Я, кажется, ясно дал понять, что она меня не интересует.

– Притом, что мне не хочется ехать в Остеру.

Зиму родители жениха проводили именно там, а теплое время года – в имении. Том самом, где эпично завершилась карьера Марюса Дье и рухнули надежды Вальтера Клавела понянчить нормальных внуков.

– Вот как? – прищурился Линас. – Мне казалось, ты мечтала освоить столичные гостиные. Или ты не желаешь ехать со мной, предпочитаешь общество барона Антанаса?

Не сразу сообразила, о ком он. Так высокопарно! Отцу бы польстило.

– Что за чушь ты мелешь?

Быстрым шагом прошлась по кабинету, мимоходом поправив несимметрично лежавшие папки.

– Аля, ты стала слишком близка с ним...

Вперила в Линаса полный укора взгляд:

– Он мой отец! И вовсе не такой извращенец, как ты полагаешь. Или ты меня в любительницы родственников мужского пола записал?

Убью и закопаю под папками. Это ж надо – вообразить, будто!..

– Успокойся, я говорю о связях иного рода. Тех, из-за которых ты теперь являешься поздно, чаще ссоришься со мной. У меня такое чувство, что ты отдалилась от меня, Аля.

Он шагнул ко мне, потянулся, чтобы обнять, но в последний момент раздумал. Руки плетью повисли вдоль тела, взгляд потух.

– Ты... Ты перестала доверять мне. Отныне он, – с горечью добавил Линас, – вытеснил меня в твоём сердце.

– Ты ревнуешь меня к Юргасу?

Рассмеявшись, обхватила его лицо руками, развернула к себе и прильнула в страстном поцелуе. Полагала, Линас на него ответит, и мы забудем о глупой размолвке, но его губы остались недвижимыми, каменными.

– Линас? – все еще сжимая его лицо между ладоней, чуть отстранилась, чтобы видеть его глаза. – Что случилось? Я всего лишь не хочу ехать к твоим родителям. Ну не нравятся мне они, а еще больше этикет, твоя тетка, напыщенные гости... Почему нельзя остаться тут, в Колзии?

Тогда бы я сохранила хорошие отношения со всеми.

– Потому что Новый год и следующая за ним Светоянская ночь – семейный праздник. Я хочу помириться с отцом. Ради тебя.

Как же – для меня! Ради себя он старался. Я могла его понять, родителей не выбирают, я сама до сих пор до конца не приняла Юргаса, но зачем врать-то? Неужели стыдно? Наверняка. Мол, тряпка, слабак, на попятную пошел.

– Ну, раз уж я для тебя так важна... – игриво скользнула пальцами по челюсти, затем вниз, под ворот рубашки. – Мы уедем двадцать пятого.

– Что ты задумала в Ночь Чернобога?

Взгляд Линаса сделался холодным, острым. Ухватив меня за запястье, он отвел мою руку, опустил в кресло. Обескураженная, стояла перед ним... как оплеванная. А потом...

– Ну знаешь! – Я тоже умела метать громы и молнии. – Я тебе не собачка, чтобы заискивать ласки. Не хочешь – не надо. И в «ведьму-инквизитора» играть не позволю. Или мы теперь снова «светлейший» и «госпожа Томаско»? Тогда тем более поедешь к родителям один.

Отвернулась и принялась считать. Если не обнимает до десяти...

– Вот, ты стала слишком нервной, – обвинительно заметил Линас, – взрываешься от малейшего пустяка. Все чаще ночуешь дома...

– Это преступление?

Крутнувшись на пятках, испепелила жениха взглядом.

– Учти, – ткнула в него пальцем, – контроля не потерплю! Я ведьма, а не великосветская барышня. Ночую где хочу и с кем хочу. Не нравится, ищи себе новую невесту.

И выбежала вон, громко хлопнув дверью.

Ну Линас!.. Инквизитор он и есть инквизитор, раздул из мухи слона, испортил хорошее настроение. И все из-за Лидии! Стоило упомянуть ее имя, как ощерился, припомнил

мне плотное общение с отцом, женихов каких-то приписал, любовников.

Я, конечно, тоже хороша! Извожу себя бесплотной ревностью, скандалю.

Обернулась на здание волостного управления. Стоит, наверное, у окна, смотрит. Увы, занавеска на втором этаже даже не шелохнулась. То ли крепко обиделся, то ли... В голову впервые закралась мысль: а вдруг мы не пара? Сошлись летом, опьяненные страстью и смертельной опасностью, а теперь, когда чувства немного угасли, проявились наши различия. Безусловно, все пары через это проходят... Вот пусть бабушка и скажет, пара мы или так, полежали вместе и разбежались. Юргас говорит, она будущее видит.

Сделала было шаг в обратном направлении и одернула себя. Ведьма я или нет, женщина или конь в пальто, пусть Линас первым мирится.

Глава 7

Давно стемнело. Ветер разносил легкую поземку по Рыночной площади. Влажно мерцали окна домов. Изредка, подняв воротник зимнего пальто или куртки, пробежал мимо припозднившийся обыватель.

Вытянув ноги, я сидела на ступеньках бывшего кафе Руты и смотрела на тусклые шары немногочисленных фонарей вдалеке. Здесь, на безымянной улочке, называвшейся местными то Канареечной из-за пристрастия угодившей в тюрьму травницы к птичкам, то Темной, их не было вовсе. Когда-то горели над столиками, а теперь все, ни столиков, ни чая, ни канареек. Интересно, кто их забрал? Не сомневалась, птичек не бросили на произвол судьбы.

Пальцы согревала купленная в кондитерской незадолго до закрытия кружка пунша.

Следовало бы вернуться домой или хотя бы зайти, погреться в трактире отца, но мне не хотелось двигаться с места. Тут так хорошо... одиноко. А еще темно, и никто не лезет в душу.

Нет, при желании, я нашла бы с десятков дверей, в которые могла постучаться, получить горячий ужин и мягкую постель, но пришлось бы разговаривать, улыбаться, а этого не хотелось.

Линас не искал меня. Я сбежала, хлопнув дверью, а он и не

заметил! Интересно, если неведомый враг отца похитит меня, доблестный инквизитор заметит или лениво кивнет из-за кипы бумаг: «Следующий, прошу на аттестацию!»

Юргас немногим лучше, связался абы с кем и молчит. Настойчиво подталкивает меня к разрыву с Линасом, заставляет варить зелья молодящимся старухам, ни в грош не ставит.

Недопитый пунш остыл, но я не спешила его выливать. Мной овладела апатия. Вот возьму и просижу здесь до утра!

Поставив наконец кружку на снег, обхватила колени руками, зарылась носом в меховую опушку пальто.

– Вот еще новости! Он тебя выгнал?

Меня ухватили за шиворот, поставили на ноги и отряхнули.

Огрызнулась:

– Пошел к Чернобогу!

Рассердится – плевать. У меня дурное настроение, от смерти хуже не станет.

– Видел издали – неинтересно.

Странно, я слышала, чувствовала Юргаса: дыхание, запах, но не видела. Даже протянула руку, пощупала, чтобы убедиться, что не разговариваю с собственными галлюцинациями.

– Ладно, если ты уж все равно тут хандришь, поможешь.

Криво усмехнулась. Вот опять: решил и моего мнения не спросил.

Медленно, по слогам, с легкой толикой злого сарказма по-

вторила:

– Я под наблюдением инквизиции, так что никакого «поможешь»! И вообще, отстань, я хочу побыть одна.

– Смерть от холода, безусловно, самая приятная, но светлейший того не стоит. Идем! – Юргас подтолкнул меня в спину. – По дороге расскажешь, что он сделал.

Сверкнула глазами и, ориентируясь на голос, отпихнула его:

– И не подумаю!

Ясно обозначив свою позицию по всем вопросам сразу, развернулась в сторону улицы Ткачей... но тело вдруг перестало повиноваться.

– Прекрати немедленно! – зашипела я, пыталась побороть чужую магию.

Юргас лишь снисходительно посмеивался.

Убедившись в тщетности своих усилий, изрядно устав и запыхавшись, сдалась:

– Хорошо, я пойду. Но о Линасе – ни полслова!

– Больно он мне нужен! – закатил глаза отец.

Он скинул с себя чары, теперь я видела его и крайне удивилась выбору одежды. Как я уже говорила, Юргас обожал привлекать внимание, был первым модником Колзия. Однако сейчас передо мной стоял мужчина неопределенной внешности, неопределенного же возраста в мешковатой темной одежде. Волосы тоже убрал под треух. Если бы не голос, приняла бы его за крестьянина.

– Куда мы?

Нехорошие предчувствие не подвело:

– В околоток. Проберемся в подвал.

– Зачем?

Задала вопрос, а сама попятилась, благо Юргас перестал издеваться, вернул былую подвижность.

– Оживлять Томаса. Или считаешь справедливым оставить его на том свете?

Между нами повисло тяжелое молчание.

Облизав губы, спросила очевидное:

– Ты хоть сознаешь, чем это грозит?

Юргас лишь фыркнул в ответ. Похоже, он действительно вообразил себя стоящим вне закона, раз собирался заниматься черной некромантией.

– Как же солдаты? Неужели ты думаешь, они позволят?..

– А для этого мне нужна ты. Зайдешь, отвлечешь внимание, зажжешь вот эти свечи, – отец сунул мне паромасляной свертки. – Сама, главное, не нанюхайся, сразу уходи. Видишь, – даже в темноте ощущала обращенный на себя пристальный взгляд, – я даже ключи взять не прошу.

– А если я откажусь? Проблемы мне не нужны.

Поколебавшись, вернула свертки обратно.

– Сочту тебя трусихой, только и всего. – Юргас ожидал подобной реакции, потому как равнодушно убрал свечи обратно за пазуху. – Я планировал управиться сам, так что... Спокойно ночи!

Да какой уж спокойной!

Догнала отца буквально через пару шагов, ухватила за рукав и горячечно шепнула:

– Нет уж, тогда я пойду!

– Из-за трусики или страха, что меня поймают?

Юргас повернул голову в мою сторону. Осознав, что все еще сжимаю его армяк, разжала пальцы, смущенно отступила.

– Ладно, не отвечай, – проворчал отец, избавив меня от необходимости врать. – И не бойся, как соучастница не пойдешь, просто постоишь на стреме. А теперь, – он быстро огляделся, сгорбился, – будь тише воды и ниже травы! На глаза никому не попадайся, фонари обходи.

Сердце гулко колотилось в груди. Я практически не дышала.

Усиливавшийся ветер обжигал щеки могильным холодом.

Стелясь вдоль стен домов, короткими перебежками минуя опасные участки, не могла поручиться, что Юргас не растворился в ночи. Я быстро потеряла его из виду. Отец шагнул в темноту... и пропал. Умом понимала, он где-то рядом, просто хорошо маскируется, но разгулявшееся воображение рисовало порталы, другие измерения. Окликнуть, позвать боялась, равно как и вернуться, сбежать. Хотеть хотела, даже остановилась, с надеждой оглянулась на окна одной знакомой... и не смогла, шагнула вперед. Юргас обладал магнетической властью, полностью подчинил себе.

Возле околотка, старого двухэтажного деревянного здания с пристройкой, дежурил часовой. Чтобы не замерзнуть, он нарезал круги возле фонаря и прикладывался к чему-то горячительному во фляге. Наблюдала за ним и гадала, пустуют ли камеры. Если да, внутри только дежурный...

Благодарно предварительно зажав мне рот ладонью, чтобы не закричала от неожиданности, отец кивнул на окно той самой пристройки. Сначала не поняла, чего он хочет, а затем от души вонзила зубы ему в руку.

Так-то Юргас не планировал вовлекать меня в свои темные делишки!

Отец стойко вытерпел боль, промокнул кровь и отвесил мне оплеуху. Не за отказ – за порчу рабочего инструмента некроманта, то есть рук.

– Сама напросилась! – едва слышно прошипел он. – Будешь ассистировать.

Хотя бы не удушающие свечи расставлять! Смешно, но перспектива общения с мертвецом пугала меньше причинения вреда здоровью живых людей.

Дождавшись, пока часовой в очередной раз отвернется, приложится к фляге, зажмурившись, припустила к пристройке, ухнула на колени в сугроб. После, отдышавшись, осторожно подняла голову и, убедившись, что осталась незамеченной, просунула руку в разбитое стекло и потянула за шпингалет. Расчет Юргаса был прост: девичья рука тоньше мужской, пролезет, не поранившись. Так и вышло.

Однако горазд отец видеть в темноте! С двадцати шагов!..

Дождавшись очередного порыва ветра, открыла окно, залезла внутрь. Теперь чего уж, поздно притворяться случайной прохожей. Следом в пристройку забрался Юргас, предусмотрительно запер окно.

Мы очутились в чулане, где складывали всякий хлам, от списанных дел до метел и ведер. Задев одно такое, сжалась – сейчас как переполошу весь Колзий! Обошлось.

– Да, грацией ты ни в мать, ни в отца, – едко прокомментировал Юргас. – Я пойду первым, а то опять что-нибудь уронишь.

Я не возражала, совсем наоборот, за чужой спиной надежнее. Первый удар опять-таки не мне, убежать успею. Да, я подлая, но так и тут не совсем добровольно.

Насчет отцовского зрения оказалась недалеко от истины – не зажигая огня, Юргас уверенно пробирался к намеченной цели, ловко обходил разного рода ловушки. То ли хорошо успел изучить здешний околоток, то ли сказывалась демоническая кровь.

Вот и стол дежурного. Впереди, по ту сторону небольшого вестибюля с лестницей, мерцала масляная лампа. Городовой, грузный, плечистый малый, сидел лицом к нам, склонившись над бумагами на столе. Чтобы не заснуть, он пил крепкий кофе – аромат витал в воздухе.

В растерянности глянула на отца: и как же мы пройдем? Тот лишь приподнял брови, посмотрел как на несмышлени-

ша... и исчез. Только что был, и нет. «Отведи-глаз!» – одними губами восхищенно прошептала я. Никогда прежде мне не доводилось видеть подобного заклинания в действии. И ладно бы это проделали с предметом – с человеком!

Пламя лампы на столе опасно затрепетало от сквозняка и погасло.

– Тьфу ты, рога и копыта!

Городовой безуспешно попытался высечь колесиком искру.

– Масло закончилось, что ли? – досадливо бормотал он. – Почему именно в мое дежурство?

Не теряя времени даром, опрометью кинулась к лестнице. Подвал внизу, значит...

– Это кто это там? – полетело грозное вслед.

Ну да, топала я как семейство кабанов по весне. Сейчас как схватит за шиворот... Но городской зевнул, смачно, громко, и захрапел. Рискнув обернуться, увидела на его столе оранжевый глазок свечи. Уж не из свертка ли Юргаса?

– Худей! – вместо отповеди дал непрошенный совет отец. – В следующий раз меня может рядом не оказаться.

– Так и следующего раза тоже не будет.

Судя по особому, саркастическому молчанию, Юргас полагал, помогать ему отныне я стану всю жизнь.

Белбог, и во что я опять вляпалась?! Впрочем, поздно стелать. Сказала «а», говори «б», то есть лезь в подвал.

С замком отец управился быстро, засунул в него отмычку

и вытащил душку.

– Прошу!

Посторонившись, он галантным жестом предложил войти первой. Только вот входить совсем не хотелось.

Из подвала несло затхлостью и сыростью. А еще – чем-то тухлым. Опустив взгляд, чудом не завизжала, до крови прокусила губу.

– Подумаешь: труп!

Юргас равнодушно перешагнул через окоченевшего Томаса и поторопил:

– Приводи свои чувства в порядок, у нас от силы два часа.

Сглотнув, кивнула и заставила себя войти. Главное, не смотреть, не смотреть... Только вот пустые остекленевшие глаза Томаса преследовали меня повсюду, куда не встану, везде они!

– Не смогу! – преодолев рвотный спазм, честно призналась я.

– Сможешь, – категорично возразил Юргас и попенял прошлым: – Не стоило меня кусать, раз мертвецов боишься! Куда мне теперь с царапиной?

– Не, не такая она и большая...

– Для заражения крови хватит.

Пока я боролась со страхами, он успел расставить по углам и зажечь свечи, самые обычные, без трав.

Едва не подавившись вязкой слюной, прижалась спиной к прохладной стене. Меня мутило. Голова кружилась, в нос

упорно лез чуть сладковатый, гниlostный запах.

Как же я согласилась, зачем, почему?

– Аля, он тебя за ногу не схватит. Бревно бревном. Вот, смотри!

Юргас без всякого уважения несильно пнул покойного. Я смутно видела его лицо – к счастью, а то бы... Хватало неестественно бледных пальцев, покоившихся на животе. Смотрела на них и понимала: еще немного – и сползу вниз по стеночке.

– Ты еще не аристократка, нечего в обмороки падать!

Ай! Отец привел в чувство очередной пощечиной. Тяжелая у него рука – щека горела.

– Помоги мне его оттащить.

Благоразумно воздержавшись от вопроса «Зачем?», ухватила Томаса за ноги и, старательно избегая взгляда покойника, вместе с отцом перенесла его в центр подвала.

– Чернобогово семя! – вполголоса выругался отец.

Судя по тому, что он пристально изучал прокушенную мной ладонь, дело в ней.

– Давай заговорю?

Нерешительно приблизилась к Юргасу. Очень уж не хотелось творить под его началом разные некромантские штучки!

– На! – Он протянул ладонь и с нескрываемым удовольствием добавил: – Помогать все равно придется.

Руки мои дрожали. Не с первой попытки сумела со-

средоточиться. Аккуратно коснувшись подушечкой пальца небольшой рваной раны, – вот уж не думала, что способна так укусить! – потянулась к силе земли. Ее тут довольно, пол как раз земляной. Хорошо бы еще кашицу из подорожника и крапивы... Или позвать Гражину, заговоры – ее стихия.

Вздохнула и принялась за дело. Правой рукой держала расслабленную ладонь отца, левой водила над раной и быстрым шепотом повторяла:

– Перетеки, река, из меня в Юргаса. Воды в ней – глазом не окинуть. Силы – всем миром не одолеть. Течет река, разливается, рану заживляет, рану зашивает. Кожа, срастись, невидимой ниткой скрепитесь края. Кровь, вернись откуда пришла. Хворь да гниль – брысь Чернобогу под крыло! Слово мое крепко, слово мое сильно, как скажу, так и сделается.

В голове зашумело, виски заломило – подействовал заговор. И верно, кровь действительно ушла, впиталась, от раны осталась небольшая царапина, и та сжалась до едва заметной темно-розовой линии.

– Неплохо! – сдержанно похвалил отец. Вытянув руку, он изучал плоды моих трудов. – Могла бы лучше, но для ведьмы сойдет. А теперь слушай и запоминай!

Юргас вмиг стал выше на целую голову, будто даже шире в плечах, заполнил собой все окружающее пространство.

– Мои указания исполнять быстро, беспрекословно и молча. Молча, Аля, это важно. Ни в коем случае не прикасаться ко мне или к трупу до завершения ритуала. Понятно?

Он пристально посмотрел мне в глаза.

Кивнула.

– Понятно? – упрямо повторил Юргас, вплотную шагнув ко мне.

– Да!

Словесный ответ его устроил, и отец принялся за дело. Перво-наперво он поменял положение тела Томаса, придав ему сходство со звездой. Затем выложил веревочный круг вокруг покойного и начерчивать пентаграмму, так, чтобы ее углы совпадали с крайними точками головы, рук и ног мертвеца.

– Достань у меня из левого кармана, – не оборачиваясь, по-прежнему стоя на коленях, приказал Юргас. – После зажки.

Смесь барвинка, бузиновых ягод, мирры и смертоцвета. Все измельчено в порошок, доведено до самой мелкой фракции – ювелирная работа.

– Как зажечь-то?

Растерянно огляделась по сторонам. Я помнила приказ не задавать лишних вопросов, но формально ритуал еще не начался.

– В огонь кинь.

Ладно, но он ведь погаснет...

Свечи действительно сначала задымили, наполнив подвал запахом гари, а потом взбесились. Едва успела отскочить, когда ревущее пламя взметнулась до потолка, грозя обрушиться

на нас деревянный пол первого этажа. Завороженная, смотрела на него, а оно... Оно вело себя как живое! Тянулось к покойнику, «переговаривалось со своими», сплетаясь в спирали с огнями соседних свечей. Яркое по краям, пламя зияло черным глазком-каплей посередине. Сдается, в порошке не только травы, не мог огонь так сам по себе гореть!

– Руны знаешь?

– Немного.

– Тогда черти у него в ногах турисаз и тройной эйваз. Только аккуратно, исключительно справа налево! Каждую. Если ошибешься, хоть одну черточку сначала прорисуешь слева, откроешь Врата мертвых в другую сторону, затянешь живое к мертвому.

Лучше бы не пояснял! У меня и так от страха зуб на зуб не попадает. Еще этот запах... Специфический, тяжелый, удушьяющий.

Пока я воевала с рунами, отец успел начертить ножом десятки различных символов. Часть он вывел внутри пентаграммы, часть снаружи.

– Ну, готова? – Юргас поднялся на ноги, тыльной стороной ладони убрал потные волосы с лица. – Вилкас на такое не способен. Без лишнего хвастовства, не знаю, умеет ли кто-нибудь еще в Маконде оживлять мертвых.

Кивнула, хотя все внутри кричало: «Нет!»

Блеснуло лезвие ритуального кинжала с россыпью камней на рукояти и червлеными рунами на лезвии. Юргас порезал

себе ладонь, дождался, пока соберется достаточно крови, и оставил отпечаток на лбу Томаса. Затем быстрым, едва уловимым движением, нанес удар покойнику в грудь и отскочил в сторону, за пределы пентаграммы.

Подвал будто заходил ходуном. Взбесившееся пламя гудело, окрасилось в синий цвет. Из тела Юргаса в Томаса устремились тончайшие ручейки магии, черной, как его глаза. Руны и прочие знаки вспыхнули, а с ними – пентаграмма, самым настоящим огнем! Он все рос и рос, пока не превратился в стену. Запахло паленой плотью.

Следовало бы отвернуться, но я смотрела. Смотрела, потому что не могла пошевелиться от панического ужаса. Он сковал тело, невидимыми корнями привязал к земле.

Тень! А затем...

Я заорала – Томас сел.

И тут же, будто в ответ на мой вопль, снаружи послышалось:

– Именем короны и светлейшей инквизиции, кто здесь?

Вилкас, я узнала его по голосу. В следующий миг знакомое лицо возникло в дверном проеме в ореоле ручного фонаря.

– Какого?..

Глаза Вилкаса расширились. Окаменев на пару минут, он уставился на Томаса, который активно ощупывал себя в кольце угомонившегося, едва тлевшего пламени, а затем напустился на Юргаса:

– Вы в своем уме?! Вы хоть знаете, что творите?!

– Иди отсюда и помалкивай! – недружелюбно посоветовал отец, но некромант не внял его предостережению.

– Барон вы там сейчас или нет, Юргас Дье, я вас арестую. На этот раз вы перешли границы. И ты, Аля, тоже, – Вилкас метнул на меня осуждающий взгляд. – Стра!..

Однако позвать солдат он не успел: пальцы Юргаса стиснули горло. Вилкас дергался, хрипел, пытаясь вырваться из его хватки – безуспешно. Постепенно он все слабел и слабел... Мне казалось, я слышала, как хрустели его кости.

Трусливая, лживая тварь, я даже не попыталась спасти друга! Пусть по физическим данным мы с отцом не равны, он играючи справился даже с мускулистым Вилкасом, хотя бы для очистки совести могла его расцарапать. Но нет, я предпочитала молчать и смотреть!

– Запомни, я мог бы тебя убить, но не стал.

Юргас разжал пальцы. Захлебываясь воздухом, некромант упал на колени, ухватился за горло. Он долго не мог прийти в себя, дышал как загнанная лошадь.

Во время короткой схватки Томас окончательно освоился в мире живых и, дождавшись ее окончания, робко спросил:

– Где я?

– В мертвецкой местного околотка.

Кинув на Вилкаса предупреждающий взгляд, мол, только попробуй напасть со спины, отец развернулся к подопечному и проделал ряд непонятных манипуляций, видимо, при-

званных убедиться, что он не зомби. Удовлетворенный результатом, Юргас разрушил целостность пентаграммы и веревочного круга, помог Томасу выбраться за их пределы.

– Так я умер?

Конюх по-детски хлопал глазами.

– Нет. Все решили, что ты умер, но ты очнулся. Сейчас пойдешь ко мне в трактир, поешь, выпьешь и расскажешь, кто на тебя напал. Ты сказал, он походил на меня...

Томас плохо держался на ногах, Юргасу пришлось его подхватить.

– Аурелия, помоги!

Поплелась к нему, подставила воскресшему конюху второе плечо.

– Как видишь, – обратился Юргас к Вилкасу, – ничего дурного я не сделал. Городовой тоже отделается головной болью. Что до твоего горла, ты делал мне довольно пакостей, переживешь. Если сильно в обиде, могу тоже угостить выпивкой, дать послушать, что скажет наш покойник. Этого я скрывать не собираюсь. А вот про ритуал – ни-ни! Сам здесь приберешься. Если сболтнешь, того хуже, приведешь карательный отряд, свернутой шеей не отделаешься. Ты меня знаешь, я слов на ветер не бросаю.

– И как я все это объясню? – сквозь зубы процедил Вилкас.

– Как хочешь.

Подобные мелочи отца не волновали. Он устал, выдохся,

теперь, вблизи, чувствовала исходящий от него острый запах пота, видела, как ходят ходуном бока. Поэтому и потребовалась моя помощь, в одиночку Юргас бы Томаса не дотащил.

– Там, наверху...

– Догадался уже! Первым иди, объясняй.

Вилкас неосторожно пошевелился и, поморщившись от боли, коснулся шеи. Даже в скудном свете фонаря и прогоревших свечей были видны жуткие багровые следы на коже.

– А с этим как? Эгле заметит.

– Сделаешь, как велю, уберу, – неохотно пошел на компромисс Юргас. – Пользуйся, пока добрый! Был бы злой, поверь, и тебя бы уложил, и твою сыскную команду.

Вилкас кивнул. Он это понимал. Именно поэтому подчинился, поплелся наверх.

Юргас не менялся, он всегда внушал окружающим только страх.

Глава 8

– Ну и продрог же я!

Томас опрокинул очередную кружку горячего чая – до поры Юргас запретил наливать ему спиртного. Сам он, бледный, осунувшийся, с землистым, как и у оживленного им конюха, лицом молчаливо буравил взглядом Вилкаса. Тот отвечал ему взаимностью, напоминал пороховой погреб. Достаточно одной искры – полыхнет.

Некромант сделал, как велели: успокоил поднявшего переполох при виде спящего дежурного часового, отправил во свояси, по домам, прибывшую по тревоге городскую стражу. Потупившись, нехотя соврал: де, это он попросил Юргаса взглянуть на покойного, проверить, действительно ли он мертв или погружен в летаргический сон. Якобы такое бывает, сильные маги способны останавливать сердце, но не убивать человека. Не разбиравшиеся ни в волшебстве, ни в медицине солдаты поверили, и мы с отцом и Томасом благополучно покинули околоток под восхищенные возгласы: «Надо же, живой!» Вилкас задержался, чтобы замаскировать следы удушья, опять же избавиться от наших художеств в подвале. Линас не солдаты, когда с утра придет взглянуть, а он точно придет, мигом обо всем догадается.

А потом Вилкас явился в трактир. Сел рядом с Томасом и затеял молчаливую игру в гляделки с Юргасом.

Взгляд то и дело натыкался на поднятый, впивавшийся в подбородок ворот рубашки. И всякий раз мое лицо заливала краска стыда. Я повела себя... Да как последняя тварь. Несколько раз порывалась извиниться, но не решалась. Вряд ли после случившегося Вилкас захочет со мной разговаривать, улыбаться и шутить, как прежде.

– Выходит, спал я, да? – простодушно спросил Томас.

Наконец согревшись, он жадно впился зубами в бараньи ребрышки. Судя по тому, как причмокивал, прежде есть такое ему не доводилось. Похлебка да каша – пища наша.

– Вроде того, – уклончиво ответил Юргас, постукивая перстнем по столу.

Вторая рука лежала на столе, ладонью вверх. Той самой, которую наискось пересекла темно-розовая линия пореза.

Поза отца не случайна – он демонстрировал Вилкасу мирность своих намерений. Хотя, по мне, поздно, Юргас перешел грань, отныне воспринимался врагом.

– А ножичек как же? – не унимался Томас и жадным взглядом проследил за проходившей мимо подавальщицей. Отец заметил, усмехнулся, подозвал ее щелчком пальцев и велел принести горячительного. – Он меня три раза... У, больно!

– Был ножичек. Потом разденешься, следы на груди увидишь.

– Так это вы, да?

Томас благоговейно уставился на Юргаса, даже руку к

сердцу приложил.

– Не я, она, – кивнув на меня, ушел от ответственности отец. – Аурелия ведьма, она твои раны затянула. Несмертельные они были. Тебя в прорубь скинули, ты почти замерз, одной ногой стоял во дворце Чернобога.

– Все равно спасибо, господин хороший. И вам, барышня!

В порыве чувств Томас расцеловал мне руки. Большой ребенок! Наивный, добрый, доверчивый.

– Значит, ты ничего после того, как оказался в реке, не помнишь?

Юргас прищурился. Проверял, сохранились ли у собеседника посмертные воспоминания как его доставали, допрашивали.

– Нет, – замотал головой Томас. – Больно было, очень больно! Я ему помочь хотел, а он... Плохой человек!

Он погрозил неведомому врагу кулаком.

– А этот человек... – Юргас покосился на меня, потом на Вилкаса. – Ты говорил, он у калитки Аурелии стоял.

– Когда говорил? – округлил глаза Томас. – Я, вроде...

– Так стоял или нет?

– Стоял, – почесав в затылке, подтвердил конюх. – Я еще удивился, куда-сь лошадь его подевалась. Была ведь лошадь, хилая такая кобылка. Шерсть клочками, начесана. Я хотел по ней скребницей пройтись, а он руками размахался, ослепил...

– Ослепил? – живо подался к нему Юргас.

– Браслетами. Широкие такие медные браслеты у него на руках, на каждом – петелька.

– Беглый! – хором мрачно констатировали мужчины.

Пересилив былые разногласия, Вилкас сел нормально, включился в беседу:

– Скажи, а он по какой дороге приехал?

– Не знаю-сь, – пожал плечами Томас. – Он постучал, тихо так, я открыл.

– И походил на... него, – Вилкас кивнул на Юргаса.

Показательно, воздержался от какого-либо обращения: злился.

– Да. Волосы такие же длинные, только не блестят. И с бородой. Ну и без шрама.

– Это точно? – недоверчиво уточнил некромант.

– Точно, – вместо конюха ответил отец. – К светлейшему зайди, он два часа Герду пытал, но так и не сумел доказать, что я с ней в ту ночь не кувыркался. Да и сам видел.

– То, что я видел, было весьма смутно, – парировал Вилкас.

Жилы на его руках напряглись, челюсти сжались.

– Что, извинений ждешь? – Юргас отреагировал на его выпад тихой угрозой в голосе. – Или продолжения? Так можем на улицу выйти. Я-то вернусь, а ты?

Вилкас угрюмо молчал, только сильнее напрягал мышцы.

Не понимавший, что происходит, Томас пробовал их помирить, но его никто не слушал.

Мужчины поднялись. Я вместе с ними.

– Давай, убей его! – Сдерживаемые прежде эмоции вырвались наружу злыми словами и блестящими дорожками слез на щеках. – Ты только и можешь, что причинять боль, врать, скрываться. И ты, Вилкас, – досталось и некроманту, – зачем его провоцируешь? У нас тут враг у ворот, а вы затеяли... Да ну вас!

Махнув рукой, накинула пальто и зашагала к выходу.

– Ты куда? – Вилкас.

Этот... А это стоит, ухмыляется. Хозяин волости!

– В сугробе замерзну. Если кому-то суждено сегодня умереть...

– Обычный нервный срыв. Приведи назад, успокой.

Замерла истуканом от подобной наглости. Он указывал человеку, которого час назад практически придушил! И ведь Вилкас подчинился! Какой же силой магии, каким обаянием обладал мой папочка, раз все время настаивал на своем? Только вот со мной не вышло. Обойдя Вилкаса по дуге, вернулась к столу, уперев руки в боки, нависла над отцом и потребовала:

– Хотя бы перед ним извинись!

Думала, расхохочется в лицо, но...

– Только ради тебя, Аурелия.

Юргас поднялся, протянул руку Вилкасу.

– Сам понимаешь, ты не оставил мне выбора. Но мы могли бы и не беседовать сейчас...

– Понимаю, – шумно засопел мрачный некромант.

– Так враги, или останешься, дослушаешь? Эгле твоей скажу, что ты был на задании. Нечисть и не такое может.

Для остальных эти двое общались недомолвками, но я прекрасно их понимала.

– Останусь, но руки не подам. – Вилкас опустился на прежнее место. – И Алю больше не втягивайте. Узнаю, без обид, доведу дело до инквизиции, хоть живым, хоть мертвым. Она мне как сестра.

– А мне она дочь. И я предупреждать не стану, если хотя бы намекнешь светлейшему... – Брови Юргаса угрожающе сошлись на переносице. – Про меня – что угодно, ко мне не пристанет, но у нее должна быть кристально чистая репутация.

Подобная откровенность при Томасе не удивляла. Его волновала кружка имбирного эля и густая подлива, а не непонятные препирательства.

Установив хрупкое перемирие, мужчины вернулись к событиям минувшей ночи. Увы, свидетель из Томаса вышел никакой. То ли из-за скудоумия, то ли по причине темного времени суток запомнил он мало.

– Значит, – Юргас почесал кончик носа, – он кинулся бежать, когда ты застал его у калитки Аурелии? Куда: к реке или к лесу?

– Сначала, вроде, к нашей шептунье, а потом вильнул к реке. Остановился, подождал меня. Я ему кошелек, а он...

Томас сокрушенно махнул рукой.

– А на постоянном дворе он ни о чем тебя не спрашивал?

Характерно, пил только воскрешенный конюх, даже Вилкас ничем не смочил горло.

– Да так... Точно, он спросил, вернулась ли ведьма из столицы. Я еще удивился: какой такой столицы? Ответил: тута она, а где была, я без понятия.

– А он?

– Ничего. Отдыхать пошел.

– Надо бы осмотреть его комнату, – повернулся к Вилкасу отец. – Предпочту, если это сделают власти. Есть у меня подозрения...

– Марюс Дье сбежал, и поэтому ты носишь обереги? – решилась-таки озвучить витающую в воздухе мысль.

– Замок Неф – не то место, откуда так просто выбраться, – покачал головой Юргас. – За всю историю только двоим удалось вырваться из его стен до срока. А история эта насчитывает без малого шестьсот лет.

– Но кого-то ты опасешься, – настаивала я. – Похожего на тебя.

– Личина. – Юргас постучал пальцем по лбу. – С ней можно сойти за любого человека. Не скрою, у меня имеются определенные опасения, но это мои враги. Более того, никаких доказательств у меня пока нет, а тот человек давно мертв. Может, мне показалось.

Уклончивый ответ не удовлетворил мое любопытство, но

по опыту знала, отец все равно не скажет больше, чем сочтет нужным. Придется копать самой. И привлечь к расследованию бабушку. Уж она-то в курсе всех, кто когда-либо конфликтовал с ее сыном.

И с Марюсом Дье мутно. Во-первых, Каторжные браслеты, во-вторых, открытка с намеком в его стиле.

– Что это за новость с воскрешением?

Линас порывом студеного ветра ворвался в трактир, огляделся и напрямик направился к нашему столу. Вид живого и здорового Томаса его не обрадовал, наоборот, гримасой искажил лицо.

– Ай, больно!

Конюх вздрогнул, когда Линас без предупреждения кольнул его иголкой в руку. На коже проступила капелька крови.

– Не зомби, – мрачно констатировал он и грозовой тучей обрушился на Вилкаса: – Ну, и как это понимать?!

– Отстаньте от него, светлейший, – лениво пришел на выручку Юргас, – это не он, а я. У Вилкаса ни мозгов, ни сил не хватило бы, а я сделал доброе дело. Или вернуть все, как было? Обидно, столько труда насмарку, но могу заново организовать вам труп.

– Не надо! – отмахнулся Линас и встал рядом со мной. – Вы и ваша магия мне уже в печенках!

И ребром ладони показал, где именно. Значительно выше печени.

– А чего так? – сощурился отец. – Подрываю авторитет,

не даю покрасоваться перед барышнями? Так у вас невеста имеется, вы ее целиком и полностью устраиваете. Да и я вам не соперник, занимайтесь своей инквизиторской деятельностью на здоровье!

– То есть, – любимый хищно оскалился, потер красные от мороза руки, – вы собираетесь добровольно проследовать под арест до выяснения обстоятельств, а после предстать перед судом?

– Нет, конечно! – От души рассмеялся Юргас и наконец заказал нам выпивку. – Умерьте свой пыл. Все хорошо, все живы, что вам еще нужно?

– Мне нужно, чтобы вы исчезли.

– А вот на это не надейтесь.

Лицо отца превратилось в каменную маску. Зрачок полностью слился с радужкой. Скулы заострились, кожа на них натянулась, чуть ниже проступили желваки. Он сидел и безмолвствовал, но над столом стремительно сгущалась тьма, удушливая, едкая, вытесняющая воздух из легких. Вскоре я и вовсе увидела ее – едва заметные язычки, подвижные, как пламя. Не черные – темно-фиолетовые. Они выходили из кожи Юргаса, тянулись к Линасу. Любимый в долгу не остался – навстречу чужой магии потянулись ослепительные голубые лучи.

– Стойте!

Зажмурившись, стукнула кулаком по столу, сделала глубокий вдох и только тогда продолжила:

– Вы друг друга ненавидите, а мне что прикажете делать?

– Ты сильно преувеличиваешь глубину моих чувств к светлейшему. – Как более опытный, разумный, Юргас «убрал коготки», потянулся за выпивкой. – Это у него все черное и белое. Чего ты хочешь, человек жизни не видел.

– А что происходит-то? – широко разинув рот, спросил Томас. – Огоньки какие-то... Красиво!

Первоматерь, мы совсем о нем забыли! Спасибо, он идет, не побежит строчить донос в столицу.

– Нравится?

Специально для него, словно для малого ребенка, Юргас зажег оранжевый лепесток огня на ладони и погасил дыханием. Томас восторженно захлопал в ладоши.

– Учись! – шепнул мне отец.

Сначала не поняла чему, а потом... Ну конечно, он его внимание отвлекал, сделал так, чтобы Томас не помнил о разговорах, о ссоре, только об огоньке.

– Иди-ка за стойку! – Юргас мягко, но настойчиво спровадил конюха. – Скажешь, хозяин разрешил, тебе бесплатно нальют. Хочешь девочку, будет девочка. У тебя сегодня праздник, все за мой счет.

– Ух ты!

Томаса не надо было просить дважды, он с радостью убежал за подарками. А мы остались. И вовсе не в праздничном настроении.

– Итак, что здесь происходит?

Линас занял освободившееся место. Думал, пересяду к нему, но я предпочла остаться на своем стуле.

– Допрос свидетеля, – устало произнес Юргас и, подняв рюмку, поинтересовался: – Будете или брезгуете?

Потом кивнул Вилкасу:

– Я помню. Сейчас со светлейшим уладим, Аурелия все сделает.

Шумно засопела. Опять Аурелия! Можно подумать, это я Вилкаса чуть не задушила!

Слова отца логично заинтересовали Линаса:

– Так, чем ты там занимаешься?

Судя по выражению лица, спрашивал он не как жених, а как инквизитор.

Пока думала, как деликатно выпутаться, удачнее соврать, старина Вилкас в который раз меня спас:

– У меня сыпь на коже вскочила – подцепил что-то от мертвяков. Вот показал Юргасу, тот – дочери. Аля, то есть Аурелия, – поправился он, видно, испугавшись реакции начальника на подобное панибратство с его невестой, – обещала мазь сделать.

– Ясно... – Не поверил. – И давно у вас с господином Дье такое взаимопонимание?

– Со вчерашнего дня, – ответил Юргас, глядя Линасу прямо в глаза. – Мы и прежде особо не враждовали, так, жили по разным принципам, а тут Вилкас уверился, я его многому научить могу.

– Например, как воскрешать трупы? – Уголок рта любимого дернулся. – Я был там. Неужели вы решили, что я поверю в сказку о летаргическом сне?

Отец невозмутимо пожал плечами:

– Не я ее сочинял.

– Цех? – Линас всем корпусом развернулся к некроманту. – Не хотите что-то сказать?

– Нет, – буркнул Вилкас и метнул на Юргаса злобный взгляд.

– Полно, он все равно бы догадался. Светлейший юнец, но не дурак. Да, – с легкостью признался отец, – я воскресил Томаса, Аурелия мне ассистировала. – Кажется, я сейчас кого-то убью! – И жутко устал, поэтому избавьте меня от нотаций. Ритуал противозаконен, бла-бла-бла, за него полагаются, бла-бла-бла, я доложу, посажу, четвертую... Только вот никакой темной выгоды я не извлек, наоборот, помог в расследовании серьезного преступления. Если вы полагаете, что неизвестный убил Томаса по причине внезапной личной неприязни или со скуки, то сильно ошибаетесь. Бедняга конюх спугнул его. Спугнул от калитки вашей невесты. А теперь сами подумайте, где мог оказаться той ночью нож, не попади он в грудь Томаса.

Линас молчал. Подвижная мимика отражала упорную, противоречивую работу мысли. Он то морщил лоб, то качал головой, а потом решительно заявил:

– Аля, больше ты сюда не ходишь. Я запрещаю тебе об-

щаться с Юргасом Дье. По факту вашей лжи, Цех, мы проведем служебную проверку и...

– Нет.

Отец одним спокойным словом заставил его замолчать.

– Нет, – повторил он. – Оставьте Вилкаса в покое. И Аурелию тоже. Вы ей не муж, не имеете права что-то запрещать. Аурелия решит сама.

– Вот именно! – согласно закивала в ответ.

Иногда мы с отцом бывали солидарны.

Это ж надо додуматься – что-то запрещать ведьме!

– Напоминаю, – елеинным голосом возразил Линас, – Аурелия находится под надзором инквизиции, и, как волостной инквизитор, я имею полное право регламентировать ее поведение.

– Волостной инквизитор, значит? Регламентировать?

Закипев, как чайник на плите, поднялась, испепелила жениха взглядом. После потянулась за своей рюмкой, выпила залпом, затем и рюмку Вилкаса и, подбоченившись, поставила Линаса перед фактом:

– Ночь Чернобога встречаю с родней отца. К твоим родителям не еду. Ночевать приду тоже только по решению суда.

– Вот как? – Взгляд жениха сделался колким. – Тогда я посажу тебя под арест. Отец дурно на тебя влияет.

– Он хотя бы считает меня равной!

Спорное утверждение, но в горячке спора эмоции взяли вверх над разумом.

– В чем же заключается это равенство? – Последнее слово Линас произнес брезгливо, пренебрежительно. – В том, что он тебя спаивает, заставляет участвовать в своих темных делишках, якшаться с демонами?

– Я и так с ними якшалась, еще до нашей встречи. Пить пила и буду!

– Чтобы опять подписать контракт с бафометом?

– Исключительно брачный.

Следовало бы картинным жестом швырнуть в лицо жениху помолвочное кольцо, но оно, как назло, не снималось. Пришлось вновь ограничиться взглядом.

Улыбнулась ошалевшему от стремительной смены событий Вилкасу:

– Пойдем, я займусь твоей шеей. Возможно, не только шеей, – а это сказала специально для некоторых.

Чтобы точно понял, ехидно добавила:

– Не у тебя одного нужные части тела имеются. Ого-го какие, между прочим, я быстро утешусь.

Линас побагровел. Юргас хрюкнул в кулак, но воздержался от комментариев. Зато Вилкас молчать не стал, поспешил обелить свою репутацию:

– Между нами ничего нет, светлейший, мы просто друзья.

– Горизонтальные друзья, – пережитые волнения и выпивка толкали еще больше позлить жениха. – А иногда вертикальные. Иногда и на четвереньках.

– Аурелия! – взмолился Вилкас.

Перед мысленным взором бедняги стоял приказ об увольнении и чугунная сковородка в руках Эгле, его невесты.

– Да ладно, – игриво пробежалась по его бицепсам, – кто весной обещал мне жаркую страсть, если окажемся в одной камере? А мы там окажемся, потому как светлейший намерен нас по-са-дить.

Я именно так и сказала, по слогам: по-са-дить.

Линас уже не краснел, он побелел. И смотрел не на меня, а на Вилкаса. Выбирал, по какой статье какого уложения пожизненно упечь его в тюрьму. Вилкас, бедняга, и вовсе стал зеленого цвета, лепетал про то, что я пошутила, но ведьму, то есть меня, несло, так что вскоре он замолк и смирился со своей незавидной участью. Не знаю, до чего бы все дошло, если бы не отец. Ухватив меня за шиворот, он хорошенько встряхнул и толкнул к Линасу. Тот, не задумываясь, поймал, потом спохватился, вспомнил, что сердит, и отстранился.

– Значит, так. – Юргас по очереди смерил каждого из нас взглядом. – Я устал и иду спать. Чего и всем остальным советую. А вам, голубки, – вместе. Вилкасом займусь сам. Вы правы, светлейший, Аурелия пить не умеет, каждый раз вытворяет такое, что ей потом стыдно. Так что не сомневайтесь, утром она извинится. Никакого любовника у нее нет. Насчет Томаса Вилкас соврал под принуждением, из страха смерти. В службу магического контроля зайду, все расскажу, но не подпишу. Аурелия поедет туда, куда сочтет нужным. Запретить ей общаться со мной вы не можете. Вроде, все.

Спокойной ночи, господа!

И направился к двери во внутренние помещения, оставив нас наедине с самими же созданными проблемами.

Глава 9

Тяжелая голова поутру, похоже, станет моей традицией. Надеюсь, на этот раз обошлось без меток бафомета. Еще не до конца проснувшись, разжала пальцы левой руки – ничего. Теперь правая... Упс, проснулась я не одна: на ней кто-то лежат. Смутная надежда, что это Линас, что мы помирились, разбилась о рыжий затылок мужчины. Вдобавок жесткое ложе мало походило на нашу кровать, даже на диван в библиотеке Юргаса, где я частенько ночевала. Куда меня занесло?!

Самый интригующий вопрос оставила на закуску. Неприятности нужно принимать дозировано, переходить от меньшей к большей, иначе с ума сойдешь.

Итак, временно притворимся, что Вилкаса рядом нет...

Убрав с лица спутанные волосы, приподнялась на локте, осторожно высвободив прижатую чужим плечом руку, села. Я почти одета – уже хорошо. Насчет Вилкаса не знаю, заглядывать под плед не хочу, но по грудь он точно голый.

Взгляд поневоле отыскал почерневшие следы на шее. Выглядело ужасно, особенно в сочетании с амулетами. Во сне они перекрутились, свисали со спины, шнурками впивались в кожу.

Некромант мирно спал, подложив ладонь под щеку, даже посапывал.

Сделала глубокий вдох. Похоже, придется начать с самой

крупной неприятности. Если рядом на полу или на стуле найду исподнее... Но я не нашла стула. Несколько раз пристально изучила обстановку убогой комнатенки – ни намек, только шкафчик с выдавшей вида масляной лампой и узкая, жутко неудобная кровать. На нее вместо матраса камень положили? И подушка вылиняла, какой-то блин. Характерно, достался он мне. Одежда нет, вместо него плед, от которого несло затхлостью.

Выкрашенные унылой зеленой краской стены, полное отсутствие окон – все навевало мысли о казенном учреждении. Нас таки арестовали и посадили в одну камеру? Дошутилась, Аурелия!

Нет, Вилкас не самый плохой вариант, чтобы скрасить одиночество. Сколько мне там лет присудят: десять, пятнадцать? С мужиком, оно, конечно, лучше, особенно со знакомым, но хотелось бы заниматься любовью на свободе и с Линасом.

При мысли об инквизиторе защемило сердце. Я такого ему наговорила! Хотя и он хорош, мог бы не лезть на рожон, не размахивать кодексом своих обязанностей, не ущемлять мою свободу.

Однако странная какая-то камера: даже ведра для справления естественных надобностей не поставили. А справить очень хотелось, потому как вчера... Вчера я совершила то, о чем очень пожалела утром.

Стараясь не будить Вилкаса, встала.

Куда же подевалась наша одежда, не отобрали же ее! Инквизиторы – те еще садисты, но не до такой степени. Хотя бы обувь оставили – вот она, родимая, рядом с сапогами Вилкаса.

Без особой надежды потянула на себя дверную ручку. Она поддалась, и я оказалась...

– С добрым утром! – широко улыбнулся мне гладковыбритый дежурный, не тот, которого вчера отец усыпил свечкой. – Вам умыться, наверное? А потом чайку? Кофе, простите-с, не держим: дорого, управление деньги только на чай дает.

Моргнув, по инерции поздоровалась:

– С добрым утром!

А потом ошарашила дежурного вопросом:

– Где я?

Не в тюрьме, это я уже поняла. Хотя после вчерашнего всякое могло привидеться. Может, я и вовсе сплю. Сейчас как ущипну себя... Не помогло.

– Так у нас, в сыскной.

Удивление дежурного сменилось сочувствием:

– А, да вы не помните ничего! Когда господин Цех вас привел, все порывались куда-то бежать, кому-то мстить. Уж извините, что вместе вам постелили. Комната для отдыха одна, там дежурный по ночам спит.

– То есть вы?

Прекрасно, я лишила беднягу законного отдыха. Зато кое-

что прояснилось: я в сыскном управлении. Правда, вопрос, было ли у нас что-то с Вилкасом или нет, по-прежнему оставался открытым. Равно как и то, почему он здесь, а не в объездах Эгле.

– Платье ваше и пальто мы почистили, просушили. Сейчас принесу, госпожа Дье.

Непривычно услужливый солдат ненадолго скрылся из виду и вернулся с моими вещами.

Указала на дверь:

– А рубашка господина Цеха тоже там?

О более пикантных предметах гардероба спрашивать побоялась.

– А рубашка на мне. С добрым утром, Аурелия!

Разбуженный голосами, на пороге комнаты отдыха возник Вилкас. Он зевал, щурился спросонья, но в остальном, за исключением взлохмаченности, выглядел сносно. А вот я...

– Мы нет, – твердо ответил на молчаливый вопрос Вилкас.

Покосился на дежурного и попросил:

– Выйди на минуточку!

Тот понимающе кивнул и с гаденькой улыбочкой удалился. Этот-то убежден, что у нас с некромантом все было.

– Твое поведение вчера меня неприятно удивило. – Несмотря на ранний час, откладывать неприятный разговор Вилкас не стал.

– Когда именно: в околотке или трактире?

В отхожее место хотелось по-прежнему, но я мужественно

терпела. Воспользуюсь моментом, оденусь пока. При Вилкасе я не стеснялась.

– Везде. Аля, – некромант аккуратно взял меня за подбородок, развернул к себе, – это он тебя такой сделал?

Изобразила неведение:

– Кто?

Пальцы быстро застегнули пуговицы, затянули пояс. Чулки на мне, нижняя рубашка тоже...

– Юргас. До того, как он признал тебя своей дочерью, ты была другой.

В голосе Вилкаса сквозили печаль и сожаление.

– Скажи?..

Он отпустил меня, сделал долгую паузу, собираясь с мыслями.

– Ты... Ты действительно занимаешься черной магией? Не бойся, – горько усмехнулся Вилкас – я никому не скажу. Я уже соврал светлейшему, совру еще раз. Из-за меня ты в тюрьму не сядешь, на эшафот не пойдешь. Я сам... Неудачно зацепился за корень, упал, угодил в руки нежити – словом, твой отец меня не трогал.

Низко опустила голову. Руки плетью повисли вдоль тела.

Выдавила из себя:

– Мне самой гадко. Тогда, в подвале... Меня будто парализовало.

– Не ожидала? – понимающе кивнул Вилкас. – Я тоже не думал. Знал, на что способен Юргас, но одно дело – слышать,

другое...

– Больно?

Указала глазами на его шею. Некромант не застегнул ворот, выставил напоказ страшные следы.

– Уже нет. Это не ножевое ранение, боль быстро проходит.

– Я... я кровоподтеки уберу, сгустки быстро рассосутся.

Сегодня же возьму бодряги и...

– Спасибо. Но ты не ответила на вопрос.

– И да, и нет. Я пока травки в его кладовой перебираю.

Если бы не поранила отца вчера, в подвале бы тоже не стояла. Он велел ассистировать, сказал, нельзя с кровоточащей ладонью.

– Ты – поранила? – изумился Вилкас; в глазах вспыхнули привычный живой огонек. – Самого Юргаса Дье?

Пожала плечами:

– Ну да, мы поссорились, я его укусила. В ответ он влепил мне пощечину.

– Веселая семейка! – приглушенно рассмеялся Вилкас. – Темпераментная. Только вот на меня, – он снова стал серьезным, даже пригрозил пальцем, – свой темперамент распространять не надо! Зачем сказала, будто мы любовники?

Неохотно призналась:

– Чтобы Линасу насолить. Выбесил он меня! Хотелось ужалить, мол, свет клином на нем не сошелся, в Колзии мужики попривлекательнее есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.